

ВАЛЕРИЙ
ГОРШКОВ

Я — ЛИКВИДАТОР
НКВД

ПРИНЦ ВОРОВ

Историко-приключенческая сага
о людях-тенях и их тайной работе

Я – ликвидатор НКВД

Валерий Горшков

Принц воров

«Автор»

2005

Горшков В. С.

Принц воров / В. С. Горшков — «Автор», 2005 — (Я – ликвидатор НКВД)

Круто повернулась судьба разведчика капитана Корнеева (он же Корсак, он же Домбровский). Еще вчера он командовал секретным спецподразделением «Стерх», а ныне оказался в рядах криминальной группировки. Мало того – ему приходится организовывать налет на грузовик, перевозящий почти миллиард рублей. Это уже не бег по лезвию, а смертельный танец на острие иглы. Как сообщить об этом командиру – полковнику Шелестову? Как уцелеть самому и ликвидировать банду? Думай, разведчик, думай... Безвыходных ситуаций у профессионалов не бывает...

© Горшков В. С., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	28
Глава 5	33
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Валерий Горшков

Принц воров

Пролог

Ночь обещала быть длинной и беспокойной: Ленчик, уже ставший счастливым обладателем двух нижних зубов, во весь голос объявлял о приближении верхней симметричной пары. Природа славно позаботилась о борьбе и единстве противоположностей, дав родителям счастливую возможность наблюдать, как растет их малыш, правда, осложнив это бессонными ночами.

Светлана и Ярослав по очереди вскакивали с постели, устремляясь к Ленчику, едва тот начинал возиться и плакать. Малышу, как и родителям, очень трудно объяснить, что от этой боли не умирают, что боль эта естественна и правильна. Но удивительнее всего то, что родителям объяснить труднее, чем детям. Эту боль они, позабыв о том, что в третий раз зубам их никак не появиться, готовы взять на себя и страдать за ребенка.

– Это он сейчас что сделал? – подняв голову, тревожно спросил Слава. – Застонал?

– Это ты повернулся, и кровать скрипнула, – объяснила Светлана. – Спи, тебе рано вставать. – Когда в кромешной тьме комнаты наступила тишина, она вздохнула и тихо спросила: – Неужели это все закончилось?..

– Как же, – пробормотал Корсак, заворачиваясь в одеяло, как в кокон. – Врач сказал, это теперь до полного прорезывания. Потом пойдут опять нижние, после – верхние, и так – до полного комплекта... Тридцать два. А потом снова начнут по одному выпадать. Ты знаешь, есть предложение... – вдруг вскинулся он, и даже в темноте явственно чувствовался рационализм его энтузиазма. – Как насчет того, чтобы нести вахту посменно? Сейчас который час?

– Четверть третьего, но я не об этом.

– В смысле? – не понял Корсак.

– Я не это имела в виду, когда спрашивала, закончилось ли все это.

Окончательно запутавшийся в полусонных ночных мыслях Корсак зевнул, хрустнув десятки раз выбитой на тренировках и в реальных драках челюстью, и попросил жену объясниться.

– Ты помнишь тридцать седьмой?

– Я его очень хорошо помню, – резко ответил Ярослав, и на комнату от этих слов словно опустилось ледяное покрывало.

– Вот я и спрашиваю – закончилось ли все это? В конце концов, Слава, не может же это продолжаться вечно... – Светлана шептала едва слышно. Голос Корсака напугал ее. Ленка завозился в кроватке, а Света ткнула мужа кулаком в бок. – Из этого страшного времени я вынесла только воспоминания о реве моторов машин, подъезжающих к домам, плач за окном, крики и хлопанье дверей автомобилей, в которых усаживали людей. Боже мой... Я не так боялась войны, как этих воспоминаний. Но, наверное, так было нужно, правда? Враги окружали нас, и товарищ Сталин нас спасал. Ты тоже так думаешь, милый? Это ведь не может повториться? – Она задавала вопросы, и свистящий шепот ее резал воздух, как опасная бритва. Он проходил по сердцу Корсака и мешал ему сосредоточиться. – Сейчас этого быть уже не может. Мы победили, и кто знает, выиграли бы мы эту войну, не устрани Сталин всех наших врагов. Ты тоже так думаешь, Слава?

– Конечно, – через силу подтвердил Корсак, ничуть не сомневаясь, что думает он по-другому. – С нами все будет хорошо, Ленчик вырастет и будет играть в ЦДКА нападающим. Ты хочешь, чтобы наш мальчуган играл в хоккей?

– А там дерутся?

– Что ты, что ты!..

– Тихо!..

– Там играют с шайбой. Ловкость рук и ног, защитные шлемы, щитки... Так, значит, ты первая дежуришь?

Светлана шутливо шлепнула мужа по лбу ладошкой и развернулась к сыну. У окна, в резной кровати, купленной Славой на рынке, спал их сын. Шел первый год его жизни и одна тысяча девятьсот сорок шестой от Рождества Христова...

Корсак почувствовал, что в дверь раздастся стук за несколько мгновений до того, как это случилось. Привычка чувствовать приближающегося врага, выработанная за годы, дала о себе знать безошибочно. Кто-то за дверью только еще поднимал руку, чтобы нарушить покой квартиры, а Слава уже откидывал одеяло и опускал на холодный пол ноги.

– Господи!.. – раздался в коридоре голос соседки, Мидии Эммануиловны. – Что же вы так стучите-то, окаянные! Дитя только-только успокоилось!..

Клацание замка, топот ног, охание бабульки Мидии – все это донеслось до слуха Корсака в мгновение ока. И тут же, заставляя Ленчика разреветься, загрохотали кулаки в дверь их комнаты.

– Корсак! Откройте дверь, Корсак! Мы знаем, что вы дома! Не делайте глупостей! – звучал чей-то резкий голос у косяка.

– Граф хренов... – добавил кто-то второй вполголоса.

– Корсак... – прошептала Светлана, и глаза ее на побелевшем лице при свете уже зажженной лампы стали большими и бездонными.

– Вы ошиблись, – изо всех сил, понимая, что ей-то все равно ничего не станется, протестовала Мидия, – здесь Корсаки не живут! Тут проживает семья Корнеевых!

– Открывай, мать твою! Иначе дверь вышибу к чертовой матери, еще хуже будет!

Последовавший за этим мощный удар ногой в створку и рев Ленчика полностью подтвердили такую вероятность, и Слава, дернув щекой, направился к двери. Эх, если бы он был сейчас дома один... Эх, если была бы бабушка, у которой Света могла бы в эту ночь находиться с сыном... Ерунда, что под окнами машина, а в ней еще как минимум один чекист. Выбить корпусом окно, свалиться коршуном... Черта с два все это получится. На кровати – беспомощная жена, на ее руках – беззащитный сын. А его назвали по фамилии, о существовании которой знают немногие, и один из них, Соммер, уже мертв. Плохо дело...

В открытую дверь шагнули то ли двое, то ли трое – они так мельтешили перед глазами, что Корсак, даже не думавший сопротивляться, сначала не определил. Он заставил себя расслабиться и даже опустил взгляд. Он – придурак, взятый с теплой постели, невинный придурак. Сейчас главное «тупить» до отказа, а там как бог даст. Главное, чтобы не забрали Свету с ребенком. Если не заберут, значит – идиоты. Не из *той* структуры. *Те* таких ошибок не совершают. Есть только один способ заставить Корсака заговорить во вред себе – это Света и Ленка. Если они этого не знают, значит, не так все страшно. Уже завтра он изыщет возможность сообщить о себе Шелестову, а тот что-нибудь придумает.

«Корсак, – напряженно думал Слава. – Это еще ничего не значит, что я Корсак. То есть ничего не значит, что они соотносят меня с этой фамилией... Кто? Думай, Слава, думай... Они орут, глаза бегают... Волнуются... Не нужно с первого раза попадать ногой в штанину, чем дольше я провожусь здесь, тем сильнее они будут орать, тем больше у меня времени подумать. Так кто? Береснев? Исключено. Им еще год назад раки досыта наелись... Ах, как кричит малыш... Душа рвется... Ничего, маленький, потерпи, папа знает, что делает... Шелестов дал задний ход? Прижали? Черта с два его прижмешь!.. Светка блеее снега... Подмигнуть ей, что ли?.. Вот, отошла... Врубай дуру, Слава, рубай ее, милую!.. Ответил, а сейчас ищи рубашку... Так, в шкафу нет... Конечно, нет, я ее туда и не вешал... «Стерхов», как носителей чересчур

важной информации, убирают? Ерунда. Зачем? Чтобы набирать потом новых и снова вырезать? Накопали что-то в архиве? Ах, вот она где, рубашка!.. Какой сюрприз, кто бы мог подумать, что она висит на стуле... Ответил, а сейчас займемся обувью...»

Когда он, уже одетый, стоял на пороге, боясь даже посмотреть в сторону жены, чтобы привлечь внимание чекистов к ней, тот, кого он сразу вычислил как старшего, рявкнул:

– И бабу с щенком в машину!

Ярослав напрягся.

– Товарищи, в чем дело? – голосом учителя математики, которого не желают слушать ученики, возмутился он. – И где моя палка?

– Да! – радостно встрепенулся старший. – Где его палка? – окинув скудно освещенное пространство взглядом, полным презрения, он увидел трость, метнулся к ней, схватил в руки и следующим движением резко сузил круг вычисляемых Корсаком фигурантов. В одной руке он держал длинное, сияющее хищным блеском лезвие, в другой, откинутой в сторону, ножны.

«Вот так, – очертив круг подозреваемых, Слава быстро его замкнул. – Сомов, Шелестов, Береснев. Из троих, знавших тайну костыля, жив только один. И это самый худший из всех вариантов».

– Пошел! – после сильного толчка в спину Ярослав направился к двери. Сейчас его усадят в машину, и, если они приехали на одной, двое оставшихся останутся со Светой и ребенком ждать вторую. Если машин две, значит, их выведут вслед за ним.

На середине лестничного пролета Слава повернул голову к своей двери и удивился. Те, что оставались в квартире, вышли на площадку и закуривали «Беломор». Глупо. Получается, дали женщине одеться самой и собрать ребенка. А если та вытянет сейчас из-под кровати «ППШ» и выйдет следом?

Подумав об этом, Корсак пожалел о том, что не имеет дома «ППШ», а Света как огня боится оружия. Может, Мидия Эммануиловна, вдова полковника царской армии, дома дисковый «люйс» хранит? Выскочила бы сейчас, да от бедра...

– Что встал, гад?! – И Слава ощутил довольно весомый удар по шее. – Забыл, где выход? Выход там, где вход!

Довольный своей невероятно остроумной сержантской шуткой, конвоир хохотнул, но был вынужден осечься на полуслове.

Опасность, на этот раз уже не предсказываемую никаким наитием, Корсак увидел, конечно, первым. И дело было на этот раз уже не в сверхъестественном чутье, а в том, что Слава спускался по лестнице первым, а потому ничего удивительного, что человека, возникшего перед ним и вскинувшего руку, он первым и увидел.

Стремительно упав на пол, он услышал выстрел, чвакающий звук над головой, свист вырывающейся из раны крови и, рискуя свернуть себе шею, сделал кувырок вперед и впечатал каблук своего ботинка в кадык стрелявшему.

Из-за спины врезавшегося в стену стрелка выскочил сначала один человек, потом еще один. Ярослав с отчаянием подумал о том, что вот на этой лестнице, после девяти лет мытарств и постоянной опасности, так и не успев поцеловать в последний раз любимых людей, он и закончит свой путь...

Но эта ночь действительно выдалась бесконечно длинной.

Не обращая внимания на сучащего ногами в агонии товарища, которого рвало кровью, выскочившие из-за его спины люди оглушили пространство подъезда выстрелами из револьверов...

В лицо Корсаку летели хлопья чего-то влажного, скользкого, и он, вдруг подумав о том, что в секторе этого сумасшедшего огня может стоять Света с Ленкой на руках, вскочил.

Первым его движением было побежать в квартиру, и он, наверное, так бы и сделал, если бы не руки, сцепившиеся в его плечи, словно клещи.

Наверху хозяйничали двое, но уже ничем не напоминающие сотрудников НКВД. А те, что сотрудников НКВД напоминали, хрипели в агонии, ползая по скользкому лестничному маршу, и на нижней губе одного из них Корсак увидел прилипшую, только что прикуренную «беломорину»...

Там, где стоял Ярослав, удерживаемый тремя незнакомцами, было темно. Мидия постоянно вкручивала лампочки, но кто-то с еще большим постоянством их вывинчивал. Но в свете, струящемся из его квартиры, он не без труда видел двоих с револьверами. Их лица показались ему подозрительно знакомы.

Вырвавшись из захвата, он развернулся и тут же почувствовал, как в лоб ему уткнулся револьверный ствол.

– Да стой ты спокойно, идиот чертов! – прохрипел кто-то, хватая отставного десантника за горло. – Свои мы, свои!

Не обращая никакого внимания на эти призывы, Слава рванулся, но был тотчас сбит с ног. Чувствуя, как на него наваливаются сразу несколько человек, он хрипло рычал, думая о том, что в комнате, в которой он оставил жену с ребенком, находятся двое с оружием.

– Да свои мы! – натужно сказал кто-то в самое ухо, выламывая руки Корсаку. – Братва, нам тут Поддубного нечего смешить! – обратился он к этим «своим». – Нам валить пора, пока из-за этого идиота нас всех легавые не повязали!

Корсак перестал что-либо понимать. Кто свои, а кто чужие – все перепуталось в его голове, он схватил через голову одного из крикунов за губу и, недолго думая, рванул ее. Подъезд буквально затрясся от дикого крика.

– Губа! – орал через нос пострадавший. – Он, сука, губу мне порвал!..

Не особо целясь, Корсак выбросил через другое плечо руку с расставленными в стороны пальцами, но тот, чьи глаза неминуемо должны были вытечь, оказался более сообразительным. Откинувшись назад, он схватил зубами Корсаковы пальцы и сжал так, что у Славы потемнело в глазах.

– Шука такая! – пламенно заорал кусавший. – Оштановишь, падла! Мы от Швятого!..

Услышав имя, забыть которое теперь он был уже не в силах до конца жизни, Корсак расслабился и обмяк.

– Да ничего не случится с твоей бабой! – сплевывая кровь, прокричал тот, чей рот теперь был свободен. – Мы увезем ее в безопасное место! Поехали, дурень, пока я тебя здесь не прикончил! – Различая в темноте на лице Корсака вполне резонное недоверие, он проорал что есть мочи: – Все в порядке, гадам буду! Ее – в схрон, тебя – к Святому! Это его приказ, мать твою! Еще раз свои клешни разбросаешь, бля буду, пристрелю, и пусть он со мной что хочет, то делает!.. Да что за красноперые пошли, а?! – возмущался он, спускаясь по лестнице и толкая Корсака в спину. – Уму непостижимо! Друг друга убивают, а когда к кому-то из них на помощь идешь, тебе или кадык ломают, или пасть порвут, или зенки норовят выбить! Вот что вы за суки такие, скажи мне!

Корсак, которому это адресовалось, то и дело оглядывался туда, где должна была появиться Света с Ленкой. Оглядывался он и когда они вышли на улицу.

У подъезда стоял выдавший виды черный «Мерседес», ветровое стекло его украшали два отверстия. На руле грудью лежал водитель и подавать признаки жизни категорически отказывался.

– Сюда, за угол! – скомандовал тот, кто сумел сберечь глаза. – Видишь, две машины? Одна для тебя, вторая для бабы и ребенка. И не зли ты меня, ради бога, парень...

Усевшись на заднее сиденье, Корсак снова посмотрел на окна своей комнаты. Там было темно.

«Могли бы убить меня, да не убили, – подумал Слава. – Так зачем же им Свету убивать с Ленкой? Глупо. Так же глупо, как приехать брать человека и выйти на площадку покурить, пока женщина одевается».

– Не-ет, – мотал головой старшой из невесть откуда появившейся «группы захвата». – Эта работа не для меня, увольте, пан Тадеуш... Вот прийти, прирезать четверых чекистов, пятого, гада, – он покосился на Корсака, – жену его и ребенка ихнего – это пожалуйста. Две минуты – и никаких недоразумений. А так что получается?.. Крол погиб смертью храбрых. У Самосада пасть как у клоуна из шапито... Съездили на боевое задание, называется, спасли беззащитного инвалида с жинкой и дитем...

– Куда мы едем? – не опускаясь до извинений, поинтересовался Корсак. – Только не надо со мной в шпионов играть. Мол, сейчас доедем до Мойки, там тебе глаза завяжем...

Услышав про глаза, старшой оглянулся, посмотрел на Славу и уже совершенно другим голосом спокойно сообщил:

– Нас послал Святой. Папа умирает. Попросил тебя привезти живого или мертвого. Лучше, сказал, живого. Корнеева, дескать, ко мне, а жену его и ребенка – в безопасное место. Ты бы хоть цинканул ему, что за тобой «энкаведе» толпой ходит...

– Откуда он знает о ребенке?

– Откуда он знает о ребенке! – передразнил его, кривляясь, бандит. – А откуда я знаю, где ты живешь? А откуда я знаю, что ваша Медуза Имануиловна мусор выносит ровно в шесть вечера каждый день? Ты думал – уехал, и с концами? Все, нет тебя, ты в домике? Вроде на фронте служил, герой страны, а ведешь себя как дитя малое, ей-богу... Ты еще спроси, откуда я про героя знаю!

«Глупо я спросил, глупо, – согласился Корсак про себя, отворачиваясь к окну, за которым мелькали смутные дома и деревья. – Если бы не Светка, вряд ли бы потерял голову».

Успокоившись, он стал ждать окончания этой бесконечно длинной ночи.

Где-то на полпути между Питером и Коломягами – а Корсак уже не сомневался в том, что везут его именно туда, – он вдруг подумал о том, что уже, наверное, рассказывает Мидия Эммануиловна прибывшим по вызову сотрудникам НКВД.

«Их было трое, – скажет она. – Главным у них – Слава Корнеев. Когда его увели, он со своими бандитами сначала перебил всех товарищей чекистов внизу, а после послал врагов народа за женой и ребенком. Куда они скрылись – понятия не имею. А таким хорошим человеком, знаете ли, мне казался. И замок починит, и чайник с плиты снимет, и свет в уборной никогда не забывал выключать...»

Он машинально дернулся всем телом к двери, но бандит, сидящий за рулем, вдруг резко перегнулся назад и жестко прижал к виску Корсака ствол.

– Еще раз дернешься, мозги вышибу! – пообещал он. – «Браунинг», четыре патрона в магазине. Калибр такой маленький, что рану ни один лепила¹ не прозондирует. Сгниешь изнутри! Всегда ношу в правом кармане, специально для профилактических мероприятий, – хохотнув, он убрал оружие, а Корсак решил более не дразнить судьбу.

Эта ночь, конечно, закончится. Часа два осталось, не более. Но страшная жизнь между адом и раем, начавшаяся для Корсака в тридцать седьмом году и не заканчивающаяся по сей день, обещала быть по-настоящему долгой. Жизнь продолжала испытывать Ярослава на прочность и не скупилась на выдумки.

Но главное, что ангел-хранитель, опустившийся на пузырящуюся от дождя мостовую к телу бездыханной молодой женщины в 1915 году, не покидал зародившуюся в ней жизнь вот уже тридцать с лишним лет.

Машина остановилась. Приехали. Коломяги.

¹ Доктор (вор.).

Глава 1

Деревня Коломаги похожа только размерами на маленький немецкий поселок, затерянный где-то между Восточным Берлином и Дрезденом. Похожа только размерами. Больше на маленький немецкий поселок деревня Коломаги ничем не похожа. Корсаку довелось увидеть и то и другое, и всякий раз, когда он видел непроходимую грязь российских деревенских улиц, он спрашивал, почему страна, победившая этот неприятный немецкий аккуратизм, не в силах выбраться из родимой слякоти и зажечь человеческой жизнью.

Впрочем, в глубинке мало кто разделял подобное мнение. Большая часть тех, кто шел в середине сороковых по Европе, домой не вернулись, те же, кто вернулся, не всегда видели саму войну. Их составы были разбомблены косяками «Юнкерсов», и они, едва призванные, возвращались обратно калекami, чтобы в тылу помогать тем, кто воевал. Остальным же сравнивать свое житье-бытье было не с чем, и единственное, что они уясняли из висящих на столбах у сельсоветов громкоговорителей, – это мысль о непобедимости Красной Армии и бесспорный постулат о главенствующей роли в борьбе за великую победу Иосифа Виссарионовича.

Выбравшись из машины, Слава исподлобья осмотрелся. Они находились где-то на северной окраине деревушки, где и дорога была получше, и дома посolidнее на вид. В какой именно его поведут, он не сомневался – конечно, в этот, с флигельком, выглядывающий из-за высокого, в полтора человеческих роста, забора.

Двое, старшой и Самосад, продолжающий глухо стонать и держаться за криво надорванный рот, ни слова не говоря, направились к обитой листами железа калитке. Видимо, они уже чувствовали задачу выполненной и бегства Корсака, как и последующей вслед за этим расплаты, не страшились. А напрасно. Хотя Слава и не держал в мыслях намерения сбежать, сделать это он мог без труда. Чего стоит выбросить из-за руля водителя, вскочить в кабину и дать деру? – пустяк, десяток секунд активной работы.

Но здесь, стоя в грязи ленинградской окраины, Корсак понимал, что его взяли грамотно. Куда ты побежишь, Корсак, если в руках этих людей находятся твоя жена и сын?

Осмотревшись, теперь уже не таясь, что кто-то обратит внимание на это, разведчик направился к калитке.

Странное дело увидеть после войны, спустя год, мужика в телогрейке, держащего на ремне «ППС», а на поясе сумку с запасными магазинами. Такое впечатление, что война прошла по этой территории, а когда возвращалась обратно, район этот обогнула и сообщить о том, что ее, войны-то, уже нет, не успела.

Избушка в два этажа, в которой не стыдно было бы поселиться купцу любой гильдии, хотя бы даже и первой, напоминала что-то среднее между штабом партизанского отряда и запасником Эрмитажа. От обилия вооруженных людей, двигающихся во всех направлениях и не обращающих никакого внимания на Корсака, и множества раритетных изделий – от полотен на стенах до резных стульев в комнатах – рябило в глазах. Ничего более несовместимого в своей жизни Славе видеть не приходилось. Разве что когда он, будучи старшим группы, вычислял и брал мародеров, пытавшихся разграбить музей в Дрездене. Точно такое же оружие, точно такие же предметы старины...

В 45-м он получил задание от Шелестова под видом и с документами историков из Москвы прибыть в Дрезден со своей группой и выяснить имя человека, по чьему указанию вывозятся из национального музея исторические ценности. Восемь человек под его руководством должны были являть собой носителей культурного наследия, еще шесть человек, из его же группы, с документами военнослужащих, откомандированных для выполнения государственной задачи, должны были историков охранять. Схему предложил сам Корсак, и она была

одобрена. Куда уж лучше – четырнадцать профессиональных диверсантов с четко расписанными ролями – это вполне нормальный коллектив для выполнения боевой задачи. Музей после взятия города охранялся личным приказом Жукова, готовилась перепись и вывоз раритетов в Москву. Трофеи из захваченных Гитлером стран, помимо частных коллекций, оказывались в музеях нацистской Германии, и теперь, после капитуляции, группам историков и искусствоведов предстояло выяснить принадлежность художественных ценностей для возврата в музеи Варшавы, Праги и советских городов.

Музей охранялся комендантской ротой, специально откомандированной из Берлина по личному приказу маршала. Из сообщений из Дрездена, которые отправлял командир роты, следовало, что музей охраняется надежно. Вместе с этим советская разведка стала перехватывать сообщения резидентуры иностранных разведок, преимущественно английской МИ-6, что из музея происходит утечка исторических ценностей в миллионы долларов. Обладание такой сокровищницей, как один из крупнейших в Европе музеев – дрезденский Цвингер, равновеликий по своему культурному значению мадридскому Прадо, многого стоило, и, хотя находился он на территории Восточной Германии, любое сообщение в мировой печати о том, что русские грабят музеи и вывозят экспонаты в СССР, могло дорого обойтись советской стороне. Холодная война, по существу, уже началась...

Корсак помнил ту ночь. Группа вошла в музей и «проработала» в нем до позднего вечера. Командир комендантской роты, чей бегающий взгляд сразу не понравился капитану, явно волновался и не оставлял группу ни на минуту. Выяснив, что майор не понимает по-немецки ни слова, Корсак, предъявивший ему документы профессора археологии Макса Эйзеля, ходил с каталогом по музею и, останавливаясь перед картинами, говорил совершенно бессмысленные речи:

– Unser braver Trottel... – переходил к другому и с серьезнейшим видом продолжал: – Zensuriert...²

Следом за Корсаком шел старший лейтенант Авдеенко, в штатском костюме и с пенсне на носу. Кивая – он, как и Корсак, прекрасно знал немецкий, – записывал и переводил для майора, стараясь изо всех сил быть похожим на человека, знающего также и русский:

– Каспадин Эйзель говорить, это очень ценный экспонат. Это, der Teufel soll den Kerl buserieren...³ Простите, не знать, как это по-русски, очень редкий вещь...

Майор тоже кивал и беспрестанно поглядывал на часы, словно рисковал опоздать на свидание.

Улучив момент и обнаружив пролом в стене, через который можно было без особого труда оказаться в подвале музея с улицы, Корсак велел половине своих «профессоров» и половине «охраны» выйти через парадное, по пути сообщив командиру роты, что остальные покинут музей через час.

Майор сходил и проверил. Действительно, вторая половина придурков-«историков» бродила по музею и тихо переговаривалась на неизвестном ему языке, наверное, на немецком.

Корсак тем временем обошел музей снаружи и снова вошел в него, а через час вторая половина его группы, как и было обещано майору, покинула музей и демонстративно удалилась в сторону комендатуры, благо последняя находилась неподалеку.

Не минуло и часа, как музей, вход в который был строго воспрещен даже охране, ожил людскими голосами. Слава хорошо слышал, как майор, идущий по восточному крылу, объяснял кому-то, что это, мол, не его вина, это вина проклятых историков, прибывших с заданием из Восточного Берлина...

² Наш ершистый дурачок... Просмотрено цензурой... (нем.)

³ Нецензурное немецкое ругательство.

Те пятеро, что пришли с майором, оказались не робкого десятка и вынули оружие сразу, едва им было предложено не совершать ошибок, могущих стоить им жизни. Перестрелка длилась не более полуминуты, все пятеро были убиты практически мгновенно.

Будете в Дрездене – обязательно загляните в Цвингер. И спросите у экскурсовода, почему складывается такое впечатление, что посреди картины Рубенса «Цирцея и Овидий» есть отверстие. И вам объяснят, что в картине действительно отверстие. Осталось, мол, со времен войны, когда русские самолеты бомбили Дрезден. Не верьте ни единому слову. Дыра в картине – результат попадания пули, выпущенной из «парабеллума» одного из бандитов и едва не разворотившей Корсаку затылок.

Выполнение задачи оказалось под угрозой срыва. Пятеро «гостей» корчились в агонии, и вряд ли кто из них, даже если бы и хотел этого, мог назвать имя того, по чьему указанию разворовывался музей. Охрана, оставшаяся без командира, не услышала ни звука – кто обратит внимание на пистолетную стрельбу, когда вокруг гремит канонада из сотен залпов артиллерийских орудий?

И тогда Корсак подошел к майору...

Времена не меняются. Одна человеческая жизнь ничего не стоит, если речь идет об интересах нации. Майор попался не из хлипких, но из глупых. Зная о своих перспективах после того, как признается, он держался до последнего. И лишь когда на обеих его руках не осталось ни единого пальца, а с лица стала сползать кожа, он рассказал все.

В ту же ночь был арестован и направлен под конвоем в Москву генерал-интендант по фамилии Пускарёв, обеспечивающий действия советских войск на Берлинском направлении. Майор, командир комендантской роты, пропал без вести. Впоследствии он был награжден орденом Красной Звезды (посмертно). Самым трудным при выполнении этого задания для группы Корсака было протащить его обмякшее тело сквозь узкий лаз в подвальной стене.

Интендант на последовавших вслед за арестами допросах показал, что ворованные ценности он направлял военному советнику при посольстве СССР в Германии, который, в свою очередь, распоряжался ими дальше. Единственное, что еще знал генерал, – это факт существования в ожившем от долгой блокады Ленинграде человека по фамилии Антонов. Этот Антонов, по сведениям генерала, был культурным человеком, знающим цену художественным ценностям, он-то и обещал всем счастливую жизнь, билеты на побережье Атлантического океана и документы для беспрепятственного выезда. В лицо Антонова генерал Пускарёв не видел ни разу.

Группа сотрудников НКВД выехала по указанному адресу в Ленинграде, однако не нашла ни Антонова, ни ценностей, которые генерал успел вывезти из Дрезденской галереи и передать сообщнику. Более эти картины никто не видел. Ни в одной из частных коллекций, как сотрудники НКВД ни старались, их не обнаружили. Агентура стыдливо прятала глаза, искусствоведы жалобно вздыхали. Оценщики боялись вслух назвать сумму предметов, исчезнувших из Дрезденской галереи.

Генерал Пускарёв повесился в камере через два часа после того, как сообщил имя советника посольства.

Сотрудник посольства оказался пешкой в большой игре. Он не смог дать никаких показаний относительно того, кто был следующим звеном между Пускарёвым и Антоновым. Он лишь отправлял раритеты дипломатической почтой в СССР. Имя человека, которому уже в Москве передавалась почта (груз, доходивший порой до тридцати-пятидесяти килограммов), атташе не знал.

Проверили. Груз получал генерал Завадский, сотрудник посольства. Но выяснилось, что через сутки после того, как был взят советник посольства в Берлине, и через два часа после того, как был арестован генерал Пускарёв, с другим генералом, Завадским, произошла трагическая неприятность. У самого дома в Москве, где он проживал с семьей, его сбил грузовик

АМО. Найти истинного виновника смерти генерала Завадского не удалось, поскольку выяснилось – АМО был угнан от хлебозавода на Оленьей улице за полчаса до дорожного происшествия.

Военной разведке СССР оставалось лишь ждать и верить в то, что когда-нибудь, где-нибудь, возможно, развлекаясь со шлюхой в какой-нибудь гостинице, пьяненький клиент признается в том, что несколько лет назад брат его друга, троюродного племянника внука Пети Иванова, продал коллекционеру из Осло картину Рубенса «Охота на кентавров». Одну из тех, что исчезли вместе с именем связующего звена в цепи «Пускарев – ... – Антонов». Вот только тогда появится возможность начать операцию, позволяющую такому могущественному ведомству, как военная разведка, разыскать и преступников, и похищенное...

Странное дело, но при всем том броуновском движении, что царило в двухэтажном особняке, редко можно было услышать хотя бы слово, а если таковое и произносилось, то разобрать его и понять смысл мог только тот, кому оно было предназначено.

– Наверх по лестнице, – миролюбиво приказал старшой, остывший, видимо, за то время, что они ехали. – Наверх и направо, в коридор.

– Откуда здесь столько антиквариата? – поинтересовался Корсак, прикидывая на глаз, сколько людей находится на первом этаже.

– От верблюда, – ответ был такой же миролюбивый.

– А ты верблюда-то видел? – продолжал спрашивать Корсак, насчитав семерых.

– Видел, дружок, видел. Семь лет под Ташкентом камни дробил.

Сколько людей Святого находилось на первом этаже, в комнатах за резными дверями, увидеть было не суждено. Не знал он и сколько их было наверху. При всем этом незнании ему было совершенно ясно главное – теперь бежать будет очень трудно. Что ждало его впереди, Слава знать не мог. Не исключал он и того, что придется вступить в схватку. Вместе с этим понимал – это безумие. Находиться в улье с вооруженными до зубов бандитами и лелеять мысль о благополучном исходе схватки мог только безумец. А потому, пересчитывая затылки и старательно загибая пальцы на руках, он действовал скорее по привычке, нежели из желания просчитать свои дальнейшие действия.

Зачем ершиться, Корсак, если в руках этих людей твоя жена и сын?

Когда до последней комнаты оставалось не больше трех шагов, старшой крепко взял Славу за локоть.

– Извини, старик, на всякий случай. – И ловкими руками вора-карманника провел вдоль тела своего пленника.

– В машину когда усаживал, проверял, – напомнил Слава.

– В машину – проверял, – равнодушно согласился тот, чьего имени или прозвища Корсак так до сих пор и не услышал. – А из машины вывел – не проверял. Вот точно так же я срезался с конвоя, когда меня везли на славный «Беломорканал». Нашел в кузове кусок проволоки и всадил в глаз конвоиру.

Легкий толчок в спину дал Корсаку понять, что путь свободен.

Дверь отворилась, и в ноздри Славе тут же ударил тяжелый запах пропитанных зловонным потом простыней, йода и еще какой-то химии, не быть которой рядом с постелью умирающего просто не могло. У стены, под окном, стояла кровать с кованными еще при Николае, наверное, спинками, вокруг нее стояло и сидело на стульях трое. Доктора Корсак в расчет не брал, тот был здесь человеком своим, но приходящим. Он, в белом халате, набирал в шприц какую-то прозрачную жидкость, и его совершенно не интересовало, кто пришел, кто ушел, казалось, он не удивился бы, если сейчас ему сообщили, что немцы снова поперли на Москву.

Едва Слава вошел, мужчина, лежащий на кровати, повернул к нему голову, и Корсак с трудом – он ни за что не узнал бы его сейчас, не сообщи ему заранее, что Святой умирает, –

узнал своего отца. Биологического отца, вернее было бы сказать, потому что ничего, кроме одного-единственного носителя генной информации, попавшего в цель тридцать с лишним лет тому назад, Корсака с ним не связывало.

Славе не раз приходилось видеть, как угасает человеческий взгляд перед смертью. С каждой минутой приближения смерти он становится все менее и менее ярким. Глаза становятся безразличными к окружающему и уже не реагируют на раздражители, которые еще месяц назад заставили бы зажмуриться или просто моргнуть.

– Ярослав... – скорее прочел по губам Святого, чем услышал его голос, Корсак.

И что-то... шевельнулось в нем, заставив растечься внутри странному, необъяснимому теплу. По мере распространения этого загадочного тепла Слава чувствовал, как заражается еще одним, странным и совершенно уж необъяснимым чувством к этому человеку. Кажется, это была жалость...

Приблизившись, Слава положил руку на плечо одного из сидящих перед одром Святого бандита и довольно бесцеремонно отодвинул его.

– Я боялся, – тихо проговорил Святой, и было видно, с каким трудом дается ему каждое слово, – что они не успеют или ты им не дашься... – на губах его промелькнула – не может быть! – улыбка! – Значит, все-таки у них получилось...

– У них получилось только потому, что наверху были моя жена и сын.

– С ними все будет в порядке, – поспешил пообещать, опережая очередной приступ боли, пан Тадеуш. – Не волнуйся, сынок...

– Он завалил Крола, – сообщил тот, кто под напором сильной Славиной руки вынужден был встать.

Информация шла по этому дому быстрее людей. Корсак всего на минуту задержался по воле ведущего у одной из дверей, и этой минуты хватило, чтобы о подробностях захвата узнали все, кому такая информация интересна.

– Крол уже давно напрашивался, – поморщился то ли от боли, то ли от гнева Святой и сделал знак, чтобы ему приподняли подушку.

– У Самосада губа разорвана, – добавил тот, что привел Корсака.

– Помнишь, в прошлом году я ему обещал пасть порвать? – терпеливо ожидая, как лекарство перейдет из шприца в вену, напомнил пан Тадеуш забывчивому подручному. – Как удивительно получилось... У меня руки не дошли, сын добрался... Сейчас пошли все вон. Остались Червонец и Крюк, – приказал Святой, не отрывая взгляда от Корсака. Он смотрел на него так, как смотрят в последний раз на человека, расставание с которым невыносимо.

Слава огляделся. В комнате, из которой вышел даже врач, помимо него задержались двое – тот, что сидел на стуле, и тот, что привел его к умирающему вору. Осталось малое – понять, кто из них Червонец. Бандит назвал это имя первым, и нет сомнений в том, что именно Червонец играет главенствующую роль в банде после Святого. Нетрудно догадаться, кого объявят королем после смерти короля.

– Я хочу уйти, вернув всем долги, – проговорил наконец Святой, мучаясь от необходимости двигать в пересохшем рту сухим языком. Корсак уже давно заметил проступившую сквозь одеяло и простыню розовую влагу. Если ориентироваться по месту ее нахождения, то любому, кто хотя бы раз видел огнестрельное ранение и его симптомы, стало бы ясно, куда угодила пуля. Святому не дают пить, и он, мучаясь от жажды, не просит воды. Стоит раненому в живот выпить стакан воды, его тут же скорчит от боли и смерть приблизится, положив ледяную костлявую руку на его лоб. Святому же нужно выговориться, и он терпит, стараясь забыть и о жажде, и о боли. Боль, впрочем, после укола ушла и затаилась. Взгляд Святого приобрел блеск, зрачки чуть уменьшились в размерах.

Слава понял, что все то время, пока бандит его ждал, он принимал наркотик. Морфий это был или нечто другое, заставляющее боль утихнуть, неизвестно, но то, как мужественно вел себя этот отвратительнейший из людей, вызывало в Корсаке известную долю уважения.

– На погост, как и в «крытку», с долгами нельзя, – объяснил Святой скорее для Корсака, чем для приближенных.

Претерпев чувствительный приступ, заглушенный обезболивающим, он поморщился и через силу улыбнулся.

– Для начала проведем небольшую перестановку сил... Мне осталось не более часа. Второй укол мне не поможет.

– Да ты что, Святой! – фальшиво взвизгнул тот, кто привел Корсака в этот дом. – Ты еще нас переживешь...

Быть может, сутки назад этот вскрик и убедил бы пана Тадеуша в верности ему, сейчас же ничего, кроме жалости к кричавшему, в его глазах не было.

– Откинь одеяло, сынок... – попросил он, не сводя глаз с сына.

Корсак привстал и твердой рукой исполнил просьбу вора. Картина, представшая его взору, заставила содрогнуться даже его очерствевшую за годы войны душу. Под суконным одеялом лежало то, что по всем понятиям биологии и анатомии должно было находиться внутри человека, – клубок вздрагивающих, сизых внутренностей, перевязывать которые не было никакой необходимости. Смещение кишок от повязки неминуемо привело бы к смерти, а потому врач, исполняя просьбу вора, даже не стал его перебинтовывать.

Единственное, что обнаружило работу доктора, – это резиновый жгут, наложенный чуть выше колена. Корсак осторожно отогнул край одеяла и обнаружил то, что и ожидал увидеть, – отсутствие ноги до самого колена.

– Противопехотная мина? – облизнув сухие губы, спросил Слава.

– А говорят, воры войну отрицают... Как думаешь, мне, как инвалиду войны, пайку назначат? – Это было очень похоже на шутку без улыбки. Если на остроты у Святого сил еще хватало, то тратить их на мимику он не решался. – Гансы при отступлении повсюду минные поля сделали, – пояснил он. – Рюхнулись вчера в Манино... туда из блокады семейка одна еврейская вырвалась... «Рыжье», камни... Дожидались, суки, пока немцы свой порядок устаноят...

– С километр не дошли, – объяснил один из оставшихся у одра. – Через балку двинулись, и трое наших, не считая Святого... Один выжил... – кивнул он на вора.

– Ненадолго, – прошептал пан Тадеуш, – а потому давайте торопиться...

Набравшись сил, словно собирался делать большое и важное дело, Святой на минуту закрыл глаза, а когда распахнул влажные ресницы, взгляд его был строг и беспощаден.

– Когда встанет солнце, я уйду. Я хочу, чтобы мое место занял Червонец. Ты, – посмотрел он на стоящего, и Слава понял, кто есть кто. Несколько минут назад он согнал со стула преемника самого страшного бандита Питера. – Положение – не наследство, по завещанию не передашь, выбор должен быть, понятно, за людьми, – добавил он, еще больше черствея взглядом, – но мнение мое должно быть услышанным. И не дай бог кому к нему не прислушаться... На том свете достану шпанку!..

Сдерживая кашель, который обещал закончиться кровотечением и смертью, он успокоился, насколько смог это сделать, и снова окинул взглядом стоящих перед ним, минуя сына.

– Мой сын и его семья должны получить новые документы. Их надо переправить через границу по известному тебе, Червонец, каналу.

– Польша?

– Там сейчас много русских. Кто-то не успел вернуться из плена, некоторые солдаты остались там в госпиталях да подженились... Словом, мой сын и его семья должны быть в Гданьске не позднее чем через месяц. В Варшаве им нечего делать, там уже сейчас сплошной

«красный» режим. Малейший косяк в документах – камера, пересылка, Сибирь... Словом, Гданьск. Через месяц. Потом начнется чистка, перепись и прочая лабуда, которая усложнит дело... У «красных» это скоро делается... Теперь что касается лаве...

– Общак сохранию, – коротко пообещал Червонец.

Святой подождал, потом посмотрел на Червонца:

– Я назову сейчас деревню. И расскажу, где искать одну могилу.

– Ты хочешь, чтобы мы похоронили тебя рядом с этой могилой? – спросил Крюк.

Святой поморщился и посмотрел на Крюка. Лицо его выражало крайнюю степень огорчения.

– Я, кажется, рано подыхаю... Некого оставить за себя, некого, бля... Один молчит и вроде что-то понимает... Второй как идиот бормочет глупые вещи... Подойди сюда, Крюк, подойди, милый...

Когда тот послушно наклонился, в шею его вцепилась мощная рука умирающего.

– Сукин ты сын, Крюк!.. – взревел Святой. – С каких пор ты стал меня перебивать?! Дождаться не можешь?! Или ты решил, что старик совсем плох для того, чтобы говорить о серьезном?! Или ты подумал, что раз папе яйца оторвало, так его теперь и слушать не стоит?!

Откинув в сторону Крюка, лицо которого стало малиновым от натуги и обиды, Святой отдышался и с сожалением посмотрел на Славу:

– Яйца-то оторвало, да косая опоздала... Смотрите, какой у меня сын. Такого мужика родить не каждому дано... На него вас всех оставил бы, да он сейчас плюнет мне в лицо, на том и закончится... Верно, сынок?

Корсак промолчал, Святой вновь заговорил:

– А знаете, что самое удивительное?.. Не плюнь он, я бы начал подозревать, что не такой уж он и мужик... В брошенном склепе на том кладбище, – бормотал вор, не отрывая глаз от сына, – грузовик добра. Золото, картины, цацки, камней не счесть, деньги...

– Ты ничего не говорил, – сухо напомнил Червонец.

– ...деньги. Все деньги должны отойти человеку по имени Корнеев. Все до последнего червонца. После пересечения границы с Польшей он сам решит, как употребить их на благо семьи с максимальным для себя интересом. Все остальное должно отойти тебе, Червонец. И ты будешь решать, как употребить их на благо наших людей. Крюк возьмет на себя контакты с коллекционерами и западными музеями. Если превратить в золото все, что находится в склепе, то сто человек могут обеспечить себя и своих потомков до седьмого колена. Настают тяжелые времена... Сейчас в стране начнется самое страшное – тусовка по военным заслугам... У тебя есть чем гордиться, Червонец? Ну, медаль там какая, за отвагу, скажем? Нет? А мужик вроде крепкий, потолок подпираешь... Почему же не воевал?.. Не о себе думаю, о людях, кои мне поверили... А потому сдайте имущество, что я для нас готовил, и разлетайтесь в разные стороны, аки голуби... Такое мое завещание будет... Стар я, на пороге стою, да голова у меня еще ясная, а потому истину говорю – не выжить вам в наступающих временах...

– Так что же за деревня такая, папа? – вернулся к главному, пропустив проповедь умирающего вора мимо ушей, Червонец.

Вцепившись в руку преемника судорожной хваткой, Святой подтянул его к себе.

Слава понял – конец вора близок.

– Поклянись, что исполнишь волю мою!.. Поклянись, что выправишь сыну документы и сможешь уйти с деньгами!..

Глава 2

– Клянусь, Святой, клянусь, – сухо пробормотал Червонец.

Корсак покосился на Крюка, и по спине его пробежал холодок. Вот почему завещание оглашалось в присутствии этого бандита! Слава понял, что Крюк единственный из всех, кому доверяет хозяин. Он – свидетель! Для сообщения о схроне достаточно было одного Червонца, имей Святой в него веру! Но старый вор специально оставил в комнате Крюка, чтобы Червонец дал слово перед постелью умирающего хозяина в присутствии третьего.

И картина происходящего стала проявляться для Славы во всем своем мраке.

Если бы на квартиру за ним и Светой с ребенком поехал Червонец, то история закончилась бы смертью его семьи. Бандит вернулся бы к одру Святого и сообщил, что НКВД всех перестрелял. Корсак-де оказал сопротивление, и он, Червонец, опоздал. Все, что он смог сделать, – это завалить двоих-троих «красноперых». Святой уже на ладан дышит, до разборок ли ему! До установления ли истины!

Но Святой послал Крюка, и тот выполнил задание с присущей ему преданностью хозяину. Вот, значит, каковы нюансы этой бандитской философии...

Наклонившись, Червонец приблизил ухо к серым губам Святого. Выслушав что-то, он продолжал стоять в согбенной позе даже тогда, когда старый вор обессиленно откинулся на подушку.

– Святой? – с испугом заглядывая в лицо хозяина, забеспокоился преемник.

– Думал – сдох?.. Черта с два!.. – процедил с закрытыми глазами умирающий, но продолжающий изо всех сил цепляться за жизнь старый бандит. – Подойди, сынок...

На глазах ничего не понимающего Червонца Слава приблизился к постели и, вдыхая смрадный запах крови, пота и дыхания, пахнущего смертью, приложил ухо к холодным губам отца.

– Пан Стефановский...

Это были последние слова Святого.

Тело его вытянулось, рот приоткрылся, в глазах застыл смертный холод. И в мгновение ока он превратился в древнего старика – проявилась доселе незаметная седая щетина, глаза запали, черты лица заострились... Так умирают все без исключения – святые и грешные...

– Что он тебе сказал?! – подойдя к Корсаку, Червонец уперся в него взглядом.

И, глядя в его требовательные глаза, Слава спокойно, словно смахивал с оконного стекла убитую муху, сообщил:

– Полагаю, он назвал мне имя человека, в склепе которого помимо его праха находится гарантия счастливого будущего полсотни ублюдков. А тебе, думаю, посчастливилось выслушать название деревни. – Подойдя к телу, Корсак положил руку на лоб отца и закрыл ему глаза. – Мой папа – опытный человек. Он не доверяет не только будущему преемнику, но и собственному сыну. Он не доверяет даже человеку, оставленному здесь как свидетель. Он никому не доверяет. Даже табличкам «Мины», расставленным по всему периметру блокадного Ленинграда.

– Ты скажешь мне имя? – жестко спросил Червонец.

– Только после того, как я получу на руки польские паспорта и отправлю семью за границу. То есть после того, как ты исполнишь клятву, данную умирающему. Я прав, Крюк?

– Сейчас – да. Но вот Крол...

– А я уверен, что он сейчас рассказывает моему папе, как ты безграмотно произвел расстановку сил у моей квартиры. Так что будем делать... братва?

Червонец находился в замешательстве. Если он и испытывал когда-либо равновеликое нынешнему унижение, то наверняка в тот момент у него были тому объяснения. Сейчас объяснений он не находил.

– Нужно ехать в... ту деревню.

– Ты плохой человек, Червонец, – холодно сказал Слава. – Ты – дерьмо собачье. Потому что ответ должен был быть такой: «Сейчас мы едем хоронить папу, но прежде вызовем священника для отпевания».

– Не испытывай моего терпения, – тихо пробормотал Червонец. – Папу мы, конечно, похороним, но следи за своим языком, легавый...

– Священника придется поискать, – не обращая внимания на бандита, задумчиво вздохнул Корсак. – Потому как... – подняв с впалой груди крест, он посмотрел на него и заправил под отворот рубашки мертвеца, – потому как папа мой не православный христианин, а католик. Ты найдешь пастора, Червонец.

Отдавать распоряжения отправился Крюк, и Слава, воспользовавшись тем, что в комнате остались лишь главные преемники наследства Святого, заговорил, не рискуя быть непонятым:

– Конечно, ты не выпустишь меня отсюда, пока не будет найден клад Святого. Я же тебя уверяю, что не назову могилы, где он находится, пока моя семья не покинет пределы СССР. В том, что кладбище огромное и на его территории находятся сотни, если не тысячи склепов, сомневаться не приходится. Папа был не самым лучшим человеком Ленинграда, но и не самым глупым. Погост – не поле. Там невозможно копать землю, не вызывая к себе повышенного внимания. Ай да папа! Ай да молодец! Тебе – деревню, мне – могилу. И никуда нам с тобой теперь друг без друга не пойти. Разница лишь в том, что мне наплевать на деньги, меня интересует моя семья. Тебе, мерзавец, насрать на меня и мою семью, поскольку тебе нужны только деньги. В этой связи я хочу задать тебе один-единственный вопрос: что будем делать, товарищ Червонец?

Ответ на этот вопрос бандит, по-видимому, уже знал.

– Я сделаю для тебя и твоей семьи польские документы. Хочешь к ляхам, тем более что этого хотел папа, – бог с тобой. Я отправлю твою семью в Польшу. Но где гарантии того, что ты, убедившись в безопасности своих близких, не захочешь совершить подвиг и получить вторую Звезду Героя? Корнеев, или кто ты там, у меня есть гарантии? Баба твоя и сын будут за кордоном, а я останусь без лаве Святого, да еще и под колпаком НКВД. Бесшабашность Святого понять можно – он твой отец, и чекистов в этот дом ты не привел бы все равно. Но я-то не твой отец. И не брат. И не кум. Но тут темно даже и без колпака. А вдруг ты решишь не называть мне фамилию покойника, даже под пытками? – подумав, Червонец тряхнул головой. – Даже если оставить сомнения в том, что назовешь – не у таких язык развязывали... Но вдруг случится чудо – возьмешь да не назовешь! Тогда что?

– Послушай, тогда есть один выход, – Корсак улыбнулся. – Веди меня во двор и стреляй, потому что при таком раскладе я тебе однозначно ничего не скажу. Моя семья гибнет, я гибну, а ты остаешься под прицелом легавых без денег Святого. Красота. Шоколадный вариант. Кажется, мой папа ошибся с преемником. Ты идиот, которому не стоило доверять название не только деревни, но и области.

– А может, мне тебя, в натуре, кончить? – рука Червонца юркнула за пояс брюк, взгляд его сузился.

И в тот момент, когда этот фарс должен был чем-то закончиться, дверь с грохотом распахнулась, и в комнату вбежал Крюк.

– Червонец, беда!.. Легавые дом обложили!..

– Что?! – Бандит, оставшийся за главного в этом растревоженном улье, машинально бросил взгляд в сторону Корсака. Сообразив, что тот-то здесь точно ни при чем, схватил Славу за руку и поволол к двери. – Людей в окна!

Более глупого распоряжения Корсак не слышал. Ситуацию особо оригинальной не назовешь – сколько раз приходилось ему, офицеру-диверсанту, оказываться в доме, который был окружен! Не было времени вспоминать, но сейчас, торопясь вниз по лестнице между Червонцем и Крюком, который уже был озадачен охраной ценного «клиента», Слава мог навскидку припомнить три случая – один в Германии и два в Венгрии, когда выводил свою группу из осажденных объектов, помня главное правило: прорываться из окружения можно лишь в том случае, когда противник не осведомлен о наличии твоих сил и боевых средств.

– Стрелять по легавым! – орал Червонец приготовившимся к отражению атаки НКВД бандитам. Он бегал из комнаты в комнату, лично проверяя исполнение собственных, только что прозвучавших команд. – Вокруг лес, эти суки – как за стеной! Стрелять длинными очередями, веером, из всех окон!..

Корсак под приглядом Крюка вынужден был ходить вслед за ним и участвовать в этом сумасшествии.

В этот момент откуда-то издалека из жестяного рупора прозвучало: «Граждане бандиты! Ваш дом окружен! Есть предложение сдать и рассчитывать на гуманность советского суда!»

Несмотря на ситуацию, Слава улыбнулся, и в тот момент, когда один из своры Святого рыкнул: «Так сдавайтесь!» – говоривший поправился: «Мы предлагаем вам сдать!»

Перед глазами Славы пронеслась тревожная картина: Света в ночной рубашке и на руках ее заходящийся в плаче Ленька. Где они сейчас, знают только Червонец, Крюк и еще несколько головорезов, выполнявших задание по их «изъятию» из квартиры в Питере. Гибнет банда – гибнут они, милые и дорогие сердцу Корсака люди... Если повезет и Слава останется жив, ему оставшейся жизни не хватит на то, чтобы разыскать даже не их могилы, а место их смерти... А жизни не хватит, теперь об этом можно заявлять с уверенностью. После вынужденного бегства из коммунальной квартиры, где теперь за главного свидетеля осталась Мидия, НКВД не успокоится, пока не выставит на всеобщее обозрение либо тело Корсака, либо клетку с ним внутри в зале суда.

– Послушай, Червонец, – решительно шагнув к бандиту, который от крика и бестолковых команд уже начал ронять на воротник ватника слюну, Корсак дернул его за рукав. – Пока еще не раздалось ни единого выстрела, разреши мне вывести твою свору...

– Свору?! Ах ты... – Червонец запнулся, потому что наконец расслышал в речи Славы еще более унижительное. – Тебе?! Разрешить тебе?! Легавый! Ты хочешь привести нас самой короткой дорогой на Литейн...

Он запнулся, потому что после короткого, без замаха, удара Корсака полетел под ближайшее окно. «Сука!..» – клацнул он набором вставных золотых зубов и стал судорожными движениями находящегося в нокдауне человека искать кобуру слева, когда она находилась справа.

– Слушай мою команду! – хрипло выкрикнул Корсак. – Погасить все источники света! Отойти от окон! Без команды – ни единого выстрела! Сколько в доме человек?

Вопрос прозвучал среди полной тишины, если не считать голоса из рупора, который обещал в случае добровольной сдачи оружия чуть ли не санаторное лечение на курортах Крыма.

Червонца придерживали двое из его наиболее благоразумных людей, на которых короткие, словно звук кнута, команды подействовали почти магически.

– Да кто их считал, пан Домбровский?! – неожиданно воскликнул Крюк. – Мы что, в армии, что ли?!

– Фуево, что не считали! – не выдержал Корсак, переходя на более доступный для понимания окружающих язык. Не имея права умирать сейчас, когда семья находится в руках этих людей, он решил действовать. – Спустить всех людей со второго этажа! Быстро, мать вашу!! «Дом Павлова» решили устроить?! Рылом не вышли оборону держать, мародеры херовы!.. Вам бы сапоги с трупов стаскивать да «лопатники» на рынке тырить, а не в войну играть!

Дом был крепкий, и Корсак мог поклясться, что он выдержит несколько артиллерийских выстрелов. Понятно, что в распоряжении милиционеров, хорошо делающих свое дело и вышедших на след банды после неудачной вылазки в соседнюю дереvушку, пушек не имелось. Не имелось – Слава был уверен – и огнеметов. Но сколько времени полурота может удерживать в своем распоряжении жилище, слишком просторное для семьи из десяти человек, но невероятно тесное для пятидесяти бандитов?

Дом не возьмут нахрапом – это исключено. Слава видел ящики у стен и маркировку на них. Боеприпасов для всех видов имеющегося вооружения имелось на неделю непрекращающегося боя. Но какой смысл держать оборону в доме? Не пройдет из получаса, как спецгруппа проведет разведку боем и выяснит, сколько в доме человек.

После этого перестрелка прекратится и, пока мозги обезумевших и почувствовавших запах кедровой делянки бандитов будет полоскать через рупор все тот же активист, к деревне будут стянуты те силы, которые будут затребованы в рапорте командира спецгруппы. Пара огнеметов и две войсковые роты из ленинградской дивизии – это все, что нужно для уничтожения не только дома, но и тех, кто в нем находится.

Парный залп – и от жары начнут валиться со стен полотна кисти известных мастеров. Люди начнут задыхаться в дыму, на их ногах начнет трещать от огня кирза, лопаться на спине ватники. Поставленный на многие века сруб займется мгновенно, превращая в ничто и резные двери, и мозаику стекол, и витые лестницы...

Когда от безвыходности бандиты начнут выпрыгивать из окон, их будут встречать дружным пулеметным и автоматным огнем бойцы войсковых рот, приказ которым отдан один: пленные не нужны.

Пленных будут брать чекисты. То, что от них останется, будет помещено для лечения в лазареты для последующего уничтожения. Времена не меняются. Что стоят жизни, когда речь идет о безопасности нации?

Все это было совершенно ясно для профессионально мыслящего Корсака и абсолютно недоступно для задыхающихся в адреналиновой эйфории головорезов Святого.

Болтовня через рупор – фикция. НКВД не нужны пленные! – разве что пять-шесть человек, могущих дать показания в суде и которых после все равно расстреляют! А пять-шесть останутся в живых так или иначе. Не нужны пленные! – эти вариации с гуманным предложением сдаться во избежание кровопролития не что иное, как оттяжка времени!

Все это абсолютно понятно для Славы, но непостижимо для бандитов, в стане которых он находится...

– На группы по пять человек, быстро! По кружкам и интересам! – продолжал он, разворачиваясь вокруг себя и следя за каждым движением на удивление смиренно подчиняющихся ему бандитов. – Мне наплевать, сколько вас сейчас выйдет за оцепление! У меня в плену этого гада жена и сын! – он указал на Червонца, пылающего ненавистью к нему за теперь уже совершенно очевидное унижение. – И мне нужно, чтобы этот гад жил! Значит, мне интересно, чтобы жили и вы!.. Выйти из дома всем, сразу после того, как я укажу направление движения!..

Окидывая взглядом верхушки подступающего к дому черного леса, Слава быстро сообразил, где может находиться группа сотрудников НКВД. К деревне подступала речка, и было совершенно ясно, для него, во всяком случае, что минимум две усиленные спецгруппы сотрудников расположились по обеим ее берегам.

– Вы, вы и вы, – указывая на три группы лежащих за его спиной бандитов, – быстро уходите рекой. Будут стрелять – не отвечать!.. Что бы ни случилось – не стрелять! Ночь не день – каждый выстрел – как на ладони. По вспышкам выстрелов вас будут вычислять, словно вы оставляете за собой зарубки на деревьях! Не та тема, чтобы валить всех подряд!

Кажется, это прозвучало убедительно. И пятнадцать человек, шурша сапогами и бряцающая оружием, двинулись навстречу своей смерти.

– Назови старшему из каждой группы название деревни, у кладбища которой нам нужно встретиться, – сказал Корсак Червонцу перед тем, как первая группа двинулась в рассвет. – Я бы сам сказал, да не знаю...

Повинуясь непонятному чувству, Слава заботился сейчас не о жизни бандитов, а о жизни сотрудников милиции. Ложь о том, почему нельзя отвечать на огонь, прокатилась как по маслу, и Корсак вдруг почувствовал, как внутри его в смертельной схватке сцепились противоречивые чувства: его семью хотели убить чекисты, а он сейчас спасает жизни этих убийц, его семью спасли бандиты, а он, Корсак, делает все возможное для того, чтобы те погибли при первом же боестолкновении...

Следующие пятнадцать человек отправились в обратную сторону, и для Корсака не было откровением, что на направлении, противоположном засаде у реки, расположилась не менее сильная группа. Известная войсковая тактика – встретив на своем пути превосходящие силы противника, ты уходишь в обратном направлении, где тебя уже ждет, надеясь на этот твой маневр, такая же превосходящая группировка.

Еще десять человек Корсак, пользуясь завоеванным за считанные минуты авторитетом, направил в болота. Эта десятка потенциальных смертников посчитала такой исход самым благоприятным для себя, поскольку никто из них не верил, что сможет утонуть, зато все свято верили, что на болоте их ждать точно не станут.

Когда перед домом, штурм которого обещался все через тот же рупор, через минуту остались Слава, Червонец, Крюк и с ними четверо, Червонец сплюнул никак не желавшую сворачиваться кровь и хрипло рассмеялся, глядя в лицо Крюку:

– Ну что, рады? А нам этот легавый сейчас посоветует встать и поднять руки! Нормальный ход! Молодец папа! Вот так, умирая, сдают бывших подельников! Семье сына продавшего душу вора – помилование, а нам – смерть!..

– Еще раз рот откроешь – вышибу все золото, – пообещал из темноты Корсак. – Хотите остаться на этом свете в виде живых существ – следуйте за мной...

И Корсак на глазах изумленных бандитов двинулся по-пластунски в сторону поля, покрытого начинающим розовеет туманом.

– Туда?! – взвился Червонец, снова адресуясь к Крюку. – На голое поле?! Да это же все равно что встать на ночной улице под фонарь!..

Вместо ответа Крюк мелко перекрестился, сплюнул и ловко, как ящерица, пополз вслед за офицером.

– У тебя моя жена и сын, дурак... – донеслось до слуха Червонца, и он, повинуясь не разуму, который потерял окончательно в начавшейся сумасшедшей стрельбе, а какому-то подожному чувству, двинулся в наступающий рассвет последним...

Слава полз сквозь мутный туман, потеряв ощущение жуткого холода, и перед лицом его, словно наваждение, стояла одна и та же картина: Света в ночной рубашке, взгляд ее беспомощен и незащищен, и Ленка, кричащий от яркого света, бьющего ему в глаза...

За его спиной, в полукилометре от места их нахождения, гремели выстрелы из «ТТ», «ППШ», «ППС», резкие хлопки винтовок снайперов, наганный кашель и размеренная работа пяти или шести пулеметов Дегтярева...

Они почти уже вышли из зоны поражения, как вдруг один из бандитов резко вскрикнул и завертелся волчком. Утренняя мгла позволила видеть лишь корчащийся клубок. Этот клубок изрыгал брань и находился в постоянном движении.

– Что? – всполошился Червонец, не догадываясь, что резкий шепот в этой обстановке слышен за несколько сотен метров. – Что такое, Гусь?!

Поняв, в чем дело, Слава резко развернулся и стал возвращаться обратно.

Тот, кто был именован как Гусь, стонал и терял силы от желания вынуть из спины что-то, очень ему мешающее. Корсак, прижимая его к земле и закрывая грязной ладонью рот,

молил лишь о том, чтобы шальная пуля, поразившая бандита, была на излете, чтобы это не был прицельный выстрел.

В первом случае Гусю грозило лишь занять пулю под кожей и последующую неприятную процедуру выемки ножом. Сколько таких ослабевших от полета пуль Корсак вынул из своих подчиненных, он уже не помнил, одну пришлось вынимать самому из себя.

Но если эта пуля летела по прямой... Она могла войти в Гуся в районе копчика и застрять где-то под лопаткой. И в этом случае все чудовищно усложнялось...

– Где? – едва слышно прошептал Ярослав, прижав губы к холодному уху Гуся. – Я сейчас уберу ладонь, а ты просто скажешь, куда ударило, ладно?..

– Бок... – Гусь хотел добавить еще что-то, но Корсак налег на его губы ладонью.

Значит, бок... пуля на излете не могла оказаться в боку. Ползущего по земле человека пуля на излете может ударить в спину, но никак не в бок...

– Живот... горит... – бормотал Гусь, в котором Слава уже давно узнал водителя «Мерседеса», увозившего его из Питера в Коломяги.

Перевернувшись, Корсак сунул руку под куртку и медленно оторвал лоскут от полы рубашки.

– Все равно не хватит, – прорычал Червонец, крутящий головой во всех направлениях.

Он очень удивился, когда увидел, что лоскут оборачивается не вокруг тела раненого, а вокруг его рта.

Подцепив за руку Гуся, Слава закинул его себе на спину.

Но даже с этой ношей он полз впереди, и только одному ему было известно, что это не так легко, как показалось Червонцу и Крюку.

– Да ты просто ударник диверсионного труда, – съязвил тот, кого Святой назвал своим преемником.

Слава прополз еще около сотни метров, когда вдруг почувствовал, как резко промычал перетянутым ртом Гусь, дернулся всем телом... и вытянулся, становясь с каждым мгновением все тяжелее и тяжелее...

«Неужели умер?..» – с горечью подумал Слава, последние полчаса действовавший машинально, привыкнув работать в таком режиме последние шесть лет. Он не давал себе отчета в том, что спасает не товарища, а бандита, на совести которого, наверное, не одна человеческая жизнь. Он выносил из района боевых действий человека из своего круга... чтобы не оставлять фактов пребывания группы на этом месте... чтобы тело не досталось врагу... чтобы дать шанс жить тому, кто был рядом с ним... Он *работал*.

Он остановился, медленно положил Гуся и перевернулся сам.

Рассвет уже вступил в свои права. Слава рассмотрел и хищное лицо Червонца, и испуганные взгляды остальных, и окрашенное кровью лезвие финки, которую наследник Святого вытирал о подол Гусевой телогрейки.

– Он все равно не жилец, – глядя прямо в глаза Корсаку, хриплым шепотом, похожим на шорох змеи в траве, объяснил Червонец. – А нам лишняя обуза. Все равно издохнет, а нам с тобой еще дела делать. Верно, пан Домбровский?

Гусь лежал, привалившись к Славе правым боком. Конвульсии уже закончились, и теперь он просто спокойно вытянулся рядом.

– Будешь всех так кончать, кого зацепит? – довольно громко спросил Слава, пытаясь скрыть движение своей руки в правый карман телогрейки Гуся.

– Много болтаешь, – предупредил, не отводя взгляд, новый «иван». – Мы еще не договорили, забыл?

– Кончай языком болтать, Червонец, – разозлился Крюк. – Нашли место время отношения выяснять!..

– Выяснять будем потом, – горячо пообещал Червонец, – сейчас просто дату намечаем.

– Хватит, на фуй, намечать! – вскипел кто-то из братвы. – Нам сейчас наметят по девять граммов на брата!.. Веди дальше, паныч!..

Слава усмехнулся, развернулся и пополз дальше, радуясь не тому, что закончен глупый разговор, а маленькому «браунингу», переместившемуся из кармана ватника Гуся в карман его куртки.

Стрельба стала рассредоточиваться, загрохотали ручные гранаты – много гранат, слишком много, чтобы не догадаться о том, что столкновение распределилось по очагам и теперь противоборствующие стороны находятся на расстоянии тридцати-пятидесяти метров, на расстоянии броска гранаты.

Однажды рвануло так, что Слава невольно обернулся. В небо, от того места, где стоял уже невидимый за высокой травой приговоренный дом, взметнулись густые, оранжевые, с черной поволокой, клубы. Видимо, одна из пуль пробила бак заправленного под завязку «Мерседеса»...

Два или три раза гроыхнули трофейные фауст-патроны. Слава, обернувшись, увидел, как над лесом, в уже невидимой деревне, поднимаются окрашенные в красно-янтарные цвета клубы дыма. Это горело последнее пристанище бандита Святого. Смерть, достойная война, – в бою, смерть позорная – вне кладбища и отпевания... Смерть без памяти, без могильного холма, без креста, смерть человека, единственным доказательством существования которого на земле будет отныне являться тот, кто продолжал сейчас ползти по холодной земле на запад. Этим доказательством был Корсак Ярослав Михайлович, урожденный Домбровский. Человек без прошлого и будущего. Человек без настоящего.

Глава 3

Они ползли мучительно долго. Когда не привыкшие к длительным физическим нагрузкам бандиты начинали за спиной Славы сопеть, как паровозы перед станцией, он останавливался, дожидался, пока они поравняются с ним, выжидал минуту, после чего снова начинал ползти. Его, бывшего кадрового разведчика, неимоверно бесил шум, который издавали эти головорезы. Любой треск, шорох или скрип металла в разведке означал обнаружение и однозначный исход. Группу засекали из-за одного-единственного идиота, который либо плохо обмотал антапку на автоматном ремне, либо уложил в десантный ранец фляжку рядом с запасными магазинами.

Корсак всегда тщательно готовил свою группу, проверяя каждую мелочь. Все начиналось с построения и демонстрации содержимого ранца. Первое, что он делал, – это отбрасывал от каждого ранца одну из банок тушенки и приказывал брать вместо нее лишний автоматный магазин.

Никакого бритья и, соответственно, одеколонов. Бритое лицо при луне блестит, как задница, а парфюмерная вонь явно не сочетается с натуральным ароматом хвои и травы.

Главное перед выходом было, конечно, оружие. Корсак запрещал брать разведчикам своей группы немецкие автоматы «шмайссер» и «МП-38». Они, безусловно, удобнее при перемещении, но у них имелся ряд недостатков, на которые не обратит внимания командир обычного войскового подразделения. Во-первых, они имели дурную привычку клинить после падения в грязь или банального намокания. Немецкая сталь, славящаяся своей безупречностью, на этот раз не поддерживала славные традиции, и «шмайссеры» успевали заржаветь за два часа, что не могло не сказываться на их работе. Во-вторых, весом они мало отличались от советских автоматов, и, наконец, при стрельбе из этого оружия не приходилось говорить о кучности стрельбы. При выстреливании более двух патронов стволы «МП-38» и их аналогов резко задирали в сторону и уводило вправо.

А потому Корсак предпочитал советские «ППС» и «ППШ». Звуки выстрелов из этого оружия в тылу врага, конечно, демаскировали группу, но какой педантичный немец продолжит спать, если у него за спиной вдруг начнут работать не русские автоматы, а его родные немецкие? Немец все равно начнет проверять, в связи с чем такой переполох вне расписания.

Но особое место при подготовке группы к выходу занимала звукоизоляция. Корсак лично брал в руку каждый из автоматов и тряс его за ремень. Идеальным считалось, когда при таком трюке лишь шумел воздух вокруг вращаемого автомата. Следующим этапом была проверка финских ножей. Каждый из разведчиков сначала медленно, а потом быстро вынимал оружие из ножен. Идеальным считалось, когда при этом вообще не возникало ни единого звука. Даже легкий скрип, напоминающий скрип бритвы по щеке, вызывал у Ярослава раздражение, и он отправлял нерадивого диверсанта смазывать ножны ружейным маслом.

Ни один разведчик в группе Корсака не выходил на боевое задание в новой обуви. Помимо того, что он мог натереть ноги, в самый неподходящий момент могли заскрипеть «ботиночки моремана», получившего увольнение на берег...

Эти же шестеро за его спиной так шумели, что Ярослав лишь стискивал зубы, чтобы не выmaterиться от всей души.

Через полчаса стало ясно, что засада, если таковая и была на их пути, осталась за спиной. Но Корсак был уверен в том, что ее вообще не было. Сотрудники НКВД посчитали излишним ставить заслон на рубеже, который, по их мнению, бандиты никогда не выберут для отступления: чистое поле за деревней, туман, пронизанный лучами начинающего всходить солнца...

Туман тем временем стал подниматься и теперь стоял плотной полосой меж влажной осенней травой и верхушками берез. Он уже не помогал маскироваться, но Ярослав все равно запретил подниматься.

– Да сколько можно, мать твою, – хрипел кто-то невидимый за его спиной – не Червонец и не Крюк, Слава это слышал хорошо. – Час уже ползем, как ящерики!..

На войне после этого раздается резкий выстрел, и говорящий прерывается на полуслове, поймав пулю тем местом, которым говорил.

Да, не те времена... Ярослав помнил знаменитый приказ о заградотрядах. Самому ему, естественно, ощущать за спиной заградотрядчиков не приходилось – не тот уровень, однако о «героизме» сталинских чекистов он был хорошо наслышан. Но здесь, видимо, посчитав, что группа НКВД гораздо умнее оголтелой банды, чекисты промазали. И были в чем-то, наверное, правы. Откуда им было знать, что основную кучку головорезов Святого будет выводить из окружения боевой офицер, профессиональный разведчик, Герой страны? И будет выводить в направлении, которое заведомо считалось неприемлемым...

Когда выстрелы в Коломягах затихли, когда не стало видно даже дыма от догорающего саркофага Святого – пана Тадеуша, когда солнце окончательно рассеяло туман и утро вошло в свои права, Корсак лег на спину и, ощущая, как жар на спине начинает остужать ледяная утренняя роса, посмотрел в небо. Оно было омерзительно голубым, безоблачным и веселым, что совершенно не соответствовало ни времени года, ни его настроению.

– Курить будешь? – прохрипел Крюк, протягивая ему пачку «Беломора». Все шестеро сидели тесным кружком, кто-то хлебал из фляжки воду, кто-то ждал своей очереди и, не теряя времени, прикуривал. Послышался хруст и лязг – двое рядом с Корсаком с тяжелыми придыхами вскрывали ножами банки с тушенкой.

– Не курю.

– Тогда, может, выпьешь? – и в руки Корсаку сунули фляжку.

С жадностью приложившись к ней, Слава в первую же секунду понял, чем так страстно утоляет жажду его окружение. Спирт. Чистый медицинский спирт.

Сплюнув, Слава отдал фляжку обратно.

– Не пьет, не курит, – весело, почувствовав неожиданно наступившую свободу, хохотнул один из бандитов, – может, ты еще и на баб не лазишь? – и, довольный своей шуткой, расхохотался.

– Не, у него есть баба, – возразил ему другой. – Мне говорили, что даже очень недурная баба! Быть может, первая в Питере! Оглобля как приехал, так все про нее только и базарил! И сиськи добрые, и ножки точеные, и ротик такой, что...

Договорить он не успел. Корсак быстро дотянулся до «ППШ» сидящего рядом урки, одним незаметным движением молниеносно отсоединил от него тяжелый диск и резко – в воздухе раздался лишь хлопок его рукава – метнул его в сторону говорящего.

Послышался хруст, диск отскочив, упал в траву, и бандит с дымящейся меж пальцев «беломориной» рухнул на спину, прервав свою речь на полуслове.

Угодив в переносицу, диск вырубил бандита, из его расплющенного носа хлынули две струи крови.

– Да он, сука, перебьет нас всех! – и с этим криком двое из сидящих, выхватив ножи, бросились в сторону Корсака.

– Сидеть, сьавки! – угрожающе прохрипел, абсолютно не двигаясь, Ярослав. – Перережу!.. Если бы не я, вы бы уже давно во всем белом на арфах играли!..

Ответ был обоснован, и бандиты остановились. А быть может, веса словам непонятого спутника придал окрик Червонца.

– Если кто худое слово еще хоть раз скажет – убью, – пообещал Корсак. – А насчет «перебьет» – припомните, что я с Гусем делал и что с Гусем сделал ваш «иван». И кто вас от НКВД

увел – тоже помните. А ты, – Слава развернулся к Червонцу, – вижу, не очень-то стремишься выполнить волю умирающего! Пора назвать деревню и следовать туда.

Отбросив в сторону окурок, Червонец поднялся с земли, но не встал, а лишь присел на корточках. По лицу его струился обильный пот от непривычной физической нагрузки.

– Деревня называется Хромово. Сорок верст по дороге от этого места, лесом меньше, но дольше. Предлагаю взять на дороге первую попавшуюся полуторку.

– А черный флаг с черепом и костями на ней вывешивать будем?

– В смысле? – огрызнулся Червонец, прекрасно понимая ход мысли Корсака.

– И это тебе папа собирался оставить пятьдесят человек и общак? Ты идиот, что ли, Червонец, я что-то не пойму?.. Сейчас всю область чекисты прочесывать будут на предмет вышедших из окружения врагов народа, а он говорит – «пойдемте, возьмем полуторку». Послушай, мне решительно плевать на этот схрон! Меня интересует семья! Но в силу обстоятельств я вынужден заботиться о ваших шкурах! Кажется, я уже продемонстрировал вам свою вынужденную преданность. Быть может, вы послушаетесь меня и во второй раз?

– Пусть говорит, – бросил Крюк, которому уже порядком поднадоела эта очевидная грызня, которая неминуемо приведет к гибели всех. – Святой умер, а он его сын. Принц, можно сказать. Принц воров. Говори дело, принц.

– Я тебе не принц, гнида, – кровь прилила к лицу Корсака. – Я офицер советской армии, вынужденный хавать ртом гнилой воздух в вашем окружении! Я нужен вам так же, как вы нужны сейчас мне! А потому давайте договоримся раз и навсегда! Я выведу вас и приведу, куда нужно! А вы выполните просьбу Святого, иначе я, если останусь в живых, обязательно разнесу по городам весть о том, насколько можно доверять людям, которых ведет за собой человек с погонялом Червонец. И еще...

– Во как! – миролюбиво заметил Червонец, которого такой расклад, похоже, вполне устраивал. – Что же еще... паныч?

Корсак стерпел и закончил:

– А еще вот что. Если я услышу из какой-то глотки дурное слово о себе или своей семье, я эту глотку перережу.

– Чем, концом? – съехидничал один из бандюков. – Концом своим ты сучку свою пугай!.. А будешь так базарить, «красный», мы ее на хор поставим, и никто в Питере не упрекнет Червонца за то, что ослушался дохлого ляха!..

Слава молниеносно выхватил из рук одного из двух едоков банку тушенки и резким движением махнул ею перед лицом наглого бандита. Поставив банку в траву, брезгливо отер руки и, морщась, поднял глаза:

– Зачем нам идиот в коллективе, верно, Червонец? Ему одно говоришь, а он норовит поперек встать. Сначала нюхать нужно, а уж потом гавкать – правильно я говорю, Червонец?

Поначалу никто ничего не понял. Ослушавшийся Корсака бандит молчал и сидел с побавровевшим лицом, хватая ртом воздух. И только после того, как Ярослав еще раз отер руки, его прорвало...

Кровь из горла, распоротого зазубренной крышкой банки из-под тушенки, хлынула мощным потоком. Бандит тяжело повалился на бок и стал судорожно закрывать руками рану. Даже не поняв, что с ним произошло, чувствуя одну лишь боль и ужас от приближающейся смерти, он сучил ногами по траве, вырывая ее с корнем, рыхлил каблуками осеннюю землю и свистел распоротым горлом.

– Вы можете убить меня прямо сейчас, – равнодушно сказал Корсак. – Но я знаю деревню Хромово. Это скорее не деревня, а поселок городского типа. На кладбище никак не меньше двадцати тысяч могил, половина из которых – склепы. Вперед, братва. Копайте. Пожелать же вам успеха я не могу, потому что в успех этот ни на грамм не верю. – Он взял выпавшую из рук

бандита вилку, поднял банку и зачерпнул добрый кусок мяса, не обращая никакого внимания на блестящую на крышке свежую кровь. Он ел с аппетитом, не обращая ни на кого внимания.

– Да он, кажется, прав. Он нас всех перережет, – уже без вызова констатировал кто-то. – Нужно решать, братва, – сказал он, адресуясь ко всем, но глядя на Червонца, – либо мы его, в натуре, кончаем сейчас, без волокиты и лишних хлопот... – он удивленно скосил взгляд на Корсака, который красноречивым кивком подтвердил его правоту, – либо спокойно и молча идем на какое-то кладбище, зачем нам идти туда, я совершенно не понимаю.

– Домбровский, – окликнул Червонец и, не встретив никакой реакции, повторил уже громче: – Домбровский!

– Я не Домбровский, но что ты хочешь сказать, я знаю, – Корсак начал рыть ложкой ямку. – Мы идем на кладбище, и я вас туда веду. Но если я вдруг задумаю по пути что-нибудь нехорошее, вы прирежете меня, как барана. Я ничего не пропустил?

Крюк улыбнулся, поглядывая на Славу, и не заметив этого тот не мог.

– Все правильно, красный офицер... – кивнул Червонец. – Последний вопрос, пока мы тут сидим перед дорогой. На хера ты роешь землю? Могилку Сычу?

Корсак уронил в ямку банку, жестом приказал принести из травы вторую и приказал бросить туда все окурки.

– Мусор надо похоронить, а вот Сыча придется нести по очереди до болота. Если я не ошибаюсь, километров пять. Кто уходит от преследования, тот не гадит по дороге. Я ваши условия принимаю, они мне подходят. А как же насчет моих условий?

– Я выполню обещание, данное Святому, – угрюмо пообещал Червонец.

– Это само собой. Я о других условиях.

– Это... о каких это? – опешил вор.

– Если хоть одна падла за время в пути скажет хоть одно нехорошее слово о моей семье, я перережу ей глотку.

– Принято, – согласился Червонец.

Один из бандитов взвалил Сыча на спину, и группа двинулась к опушке ближайшего перелеска. Перемещение зигзагами от перелеска к перелеску удлиняло путь почти вдвое, но ходить по простреливаемым взглядом местам запретил Корсак. А его слово среди них уже кое-чего стоило...

Глава 4

Они шли весь день и еще половину следующей ночи.

Отдыхали по очереди, как велел Корсак, мучились от голода и жажды, но не заходили ни в попавшуюся по пути сторожку с видимыми признаками жизни, ни в маленькое селение.

– Как же так! – возмущались двое из «рядового состава». – Ведь пожрать-то надо?!

– Ничего не жрать, коли жрать нечего, – был им ответ. И Корсак уводил жаждущих головорезов от жилья.

– Червонец, – рычал кто-нибудь из бандитов, – разреши сходить! Ну кто там может быть?! Пара мужиков, пара баб! Заберем снеди, и все дела!

Но Червонец угрюмо молчал, толкая изголодавшихся подчиненных в спины.

Два или три раза, залегши в лесу, они видели, как по проселочной дороге проезжают грузовики, в кузовах которых сидело никак не меньше двадцати солдат. Один раз им встретился пикет на дороге, которую нужно было перейти. Два мотоцикла, на колясках которых стояли пулеметы Дегтярева, и рядом – человек восемь людей в синей форме. Спокойно покуривая, они указывали руками в сторону залегшей группы, чертили в воздухе какие-то круги и, наверно, соглашались друг с другом, что через такие кордоны прорваться бежавшим бандитам, если таковые имеются, невозможно.

Корсак был другого мнения. Он упрямо вел группу в Хромово, делая большие петли и сводя к минимуму встречи не только с разыскивающими их чекистами, но и с местными жителями. Когда светящиеся стрелки на часах Славы стали одновременно приближаться к цифре «3», указывая на то, что наступило утро второго дня их похода, вдали показались смутные признаки поселка. Более того, они вышли прямо к кладбищу.

– Черт меня побери, – пробормотал Крюк, вглядываясь в раскинувшуюся перед ним панораму. – Ни одного креста...

– Кресты сожгли в войну. Люди приходили и крали их с могил, – пояснил, с удовольствием опускаясь на землю, Корсак.

– Леса мало?! – взвился Крюк, истый вор старой закалки, для которого опоганить могилу было равносильно сожжению церкви или убийству матери.

– Люди голодали, Крюк, – буркнул Ярослав. – Лошадей нет, сил нет. Попробуй, свали дерево, напили и наруби... Ты как сейчас себя чувствуешь после полутора суток голодухи? Завалишь пару березок?

Крюк с сомнением хмыкнул...

– Куда проще крест вынуть и дотащить до дома... А там ломай его и по частям жги... Ты куда это подался, орел?! – окрикнул Ярослав одного из бандюков, направившегося в глубь кладбища.

– Жратвы набрать! – огрызнулся тот. – Хлеб на могилах, водка, конфеты... Мало ли чего! Или ты нас совсем решил голодом заморить?!

Усадить его на место означало вступить в распри с оголодавшими, превратившимися в зверей бандитами. Понимая, что сейчас как раз тот момент, когда это не нужно, Слава решил использовать ситуацию с пользой.

– Иди, только не один, а с ним, – он кивнул в сторону второго. – Обойдете кладбище, поищите кого-нибудь из ваших. Я-то вас вел наверняка, а ваши друзья, полагаю, ломались сюда на полоторках и по прямой. Если кто таким образом и добрался, то уже давно нас дожидается. Приведите их сюда.

Когда они остались втроем, Червонец пересел к Крюку, который расположился неподалеку от Корсака.

– Так как фамилия того, в чьем склепе Святой схоронил свое добро? – вяло разминая папиросу, в который раз спросил он.

– Сначала соберемся в организованную, насколько это возможно, кучу, – вновь ушел от ответа Слава. Чувствуя, как даже через усталость и голод нарастает злоба нового пахана, он улыбнулся: – Напрасно окошмариваешь ситуацию. Уйти от вас я не уйду – у вас моя семья. Забрать цацки один я тоже не смогу. Собрать же всех вместе хочу для того, чтобы правильно организовать поиск. По-прежнему мне не доверяешь? А ты доверься...

Плевков Червонца ушел куда-то в сторону могилы с железным крестом, на котором было выжжено: «Ивановъ Михаилъ Михайловъ... 1856–1902...», туда же унеслись слова: «Ладно, банкуй...» И Ярослав расслышал в этом: «Придет и мой черед раздавать».

Сначала их было семеро. Слава и шестеро бандитов. Тогда, в поле, таща на себе труп убитого Червонцем Гуся, Корсак вспомнил и о «браунинге» в правом кармане ватника бандита, и о том, сколько патронов вмещает его магазин. После смерти Гуся оставалось шестеро – Слава и пятеро с ним. И один явно не вписывался в эту обойму. Нужна была ситуация, которая позволила бы уравнять количество имеющихся патронов с количеством спутников. Корсак создал ее без особых хлопот, лишь про себя зная, чего это ему стоило и чем он рисковал. Единственное, подо что нельзя было подогнать ситуацию, – это при бандитах удостовериться в том, что магазин в «браунинге» заполнен действительно полностью. Но даже если в пистолете всего два патрона, отнять у Корсака руки и ноги никто не сможет. Он рассчитывал на шок, который вызовет появление в его руках оружия.

А еще он надеялся, что двое изголодавшихся и направившихся осквернять могилы головорезов не приведут никого из своих подельников, сумевших выйти из окружения. Для подтверждения этих надежд ему и нужна была пауза, вызвавшая такое раздражение Червонца.

Но он ошибся.

Минутная стрелка очертила на циферблате круг и уперлась в «12». В четыре часа утра в это время года темно. Темно и сыро. Холод пронизывал Корсака до костей, промокая после долгого ползания куртка на ватине потяжелела на несколько килограммов и обвисла. Мучительно хотелось пить и есть, силы держались на какой-то единственной струне, натянувшейся донельзя и готовой разорваться.

За тот час, пока двое бандитов бродили по кладбищу в поисках поминальной трапезы, он ни разу не перекинулся словом ни с Червонцем, ни с Крюком. Справедливости ради надо заметить, что те и меж собой не очень-то разговаривали. Усталость сковывала их члены, их мучили те же муки, что и Ярослава, и терять калории на бестолковые разговоры им, видимо, тоже не очень-то и хотелось.

Когда на восточной стороне кладбища послышался треск сухих ветвей, Червонец перевернулся и взял на изготовку «ППШ», Крюк просто привалился к дереву и положил «шмайссер» на колени, а Слава прижался к земле.

Это мог быть кто угодно. Кладбищенский сторож, промышлявший тем же, чем отправились промышлять бандиты, сами бандиты, а могло стать так, что это методично прочесывают кладбище чекистские патрули.

Но вышло так, как хотел Червонец и как не рассчитывал Слава. К месту их стоянки приближались те самые двое и с ними – пять или шесть – в темноте разобрать было трудно – вооруженных людей.

«Если это не партизаны Ковпака, то, скорее всего, счастливики, коим повезло выбраться из окружения под Коломягами», – молча усмехнулся Корсак.

Теперь их было десять человек, и никакой речи о применении трофейного «браунинга» быть не могло. Головорезы молча присели на корточки – в позу, привычную для людей, отбивших добрую половину жизни в колониях, захрустели чем-то, зажевали, послышалось булька-

ные воды. Слава не вмешивался в процесс их радостной встречи. Для него это братание было сродни поражению. Вернись двое – уж он сумел бы пристрелить троих, оставив Червонца на второе! Что с ним делать, чтобы его прорвало на откровения, Слава знал. Двадцать четыре выхода за линию фронта, пятнадцать рейдов в тыл противника, двенадцать спецзаданий на уровне разведуправления и десятки эпизодов, когда нужно было «раскрутить» на сермяжную правду предателей в собственном тылу... И тогда не шла речь о жене и сыне. Тогда он просто профессионально выполнял свою работу. Так неужели же он не вытряс бы душу из убийцы, удерживающего в бандитском плену его Свету и Леньку?!

– Самое чистилище было как раз там, куда *этот* направил первые две группы, – доносился до Славы говорок одного из тех, кто «ехал на полуторках и шел напрямую». – Если кто и вышел из этого ада, то сдох в лесу. «Красных» там было не меньше полусотни в каждой группе, а групп таких было две... Они порвали братву в клочья...

– Нам повезло чуть больше... – сообщил еще кто-то. – Лесом было лучше... Когда они стали нам бить из пулеметов в спину... я думал – хана. Березы падали, словно их литовкой косили...

– Эй! – кто-то из темноты гневно окликнул Ярослава. – Ты куда людей послал, сволочь?! Нас из пятидесяти десять осталось!..

– А говоришь, Крюк, не считаетесь, – улыбаясь в темноте, заметил Слава. – Что ж ты прешь на меня, как бык, если жив остался? Или ты хотел, чтобы батальон НКВД помер, а вы без единой царапины вышли? Рылом не вышли! А если чем недоволен, так иди сюда, разберемся в мелочах...

– Он прав, – закончил разговор, словно обрубил, Червонец. – Радуйтесь тому, что он вывел пятую часть. Мы могли сдохнуть все еще сутки назад! А кто не сдох бы у дома, тот сдох бы на киче или в расстрельном рве!.. Так что оставьте парня в покое...

Корсак понимал, откуда такая внезапная милость и рассудительность человека, который еще два часа назад готов был прирезать его, как Гуся. Во-первых, в случае удачных поисков схрона Святого добычу нужно было делить не на пять десятков мерзавцев, а только на десятерых. Самых отъявленных, самых изворотливых, беспощадных и кровожадных, но всего лишь на десятерых. И во-вторых, десять человек всегда легче обмануть при дележе, нежели когда их в пять раз больше...

– Ну а теперь иди сюда, спаситель наш... – И по голосу Червонца Слава понял, что теперь наступила как раз та пора, которую тот многозначительно обозначал, как «придет и мой черед банковать»...

Слава с трудом встал и направился в темноту, где мерцало несколько папиросных огоньков.

Вернулись бандиты, как видно, не с пустыми руками – подле них в полнейшем беспорядке, словно в хлеву, как и положено на привале у беззаботных идиотов, валялись пустые консервные банки, куски хлеба, луковая шелуха и другое, что именуется отходами человеческой жизнедеятельности.

– Садись, выпей, – Крюк протянул Славе флягу, заранее предупредив: – Не спирт.

Снова услышав про спирт, Корсак опять, как вчера в поле, вспомнил мать. Спирт наверняка не куплен, а взят разбоем на каком-нибудь из ленинградских медицинских складов. Перерезали охрану и выкатили пару бочек, благодаря которым дом Святого вчера горел быстро и ясно. Тяжелые времена. Раньше спирт выносили честнейшие из женщин, пытаясь сохранить тайну рождения сына, теперь его выкатывают бочками...

Слава вспомнил о матери, и в голову закралась совершенно безумная мысль, что... а не лучше ли было вчера взять вооруженную банду под свой контроль, быстро организовать и устроить палачам матери предметный урок тактики войск специального назначения в лесных условиях?..

Напившись, Корсак провел рукой по подбородку и услышал сухой треск жесткой щетины. Последний раз его лицо находилось в таком состоянии во время последней операции, когда пришлось распрощаться со своим коленом.

– Ну что, друг Корнеев... – сказал наконец Червонец, вминая огонек папиросы в холодную землю («Опять же под себя», – подумал Слава). – Пора и честь знать. Люди здесь собрались терпеливые, грамотные, о правилах выполнения обязательств знают не понаслышке. Им и в тюрьму-то запахло идти с карточными долгами, не сядут, пока не рассчитаются. А уж слово, данное у постели умирающего, они исполняют раньше, чем умрут. Я слово сдержу. Когда мы найдем тайник Святого, твоя жена и сын, и ты с ними получите польские паспорта и все наличные, что будут найдены в склепе. Остальное отойдет в наш общак. Я привел тебя к кладбищу. Теперь ты должен назвать фамилию того, чья душа никак не может обрести покой и вынуждена охранять золото старого вора. Не пора ли ей успокоиться и передать заботу о схроне более дееспособным лицам?

Корсака в этот момент беспокоило обстоятельство, которое он осознал, слушая обрывочные рассказы пришедшей группы о своих злоключениях по дороге к Хромовскому погосту.

– Грамотные, говоришь? – бросил он, снова проводя ладонью по щеке. – Давай посмотрим, насколько они грамотные! Скажи, Червонец, видел ли кто-нибудь нас из ищек НКВД, пока мы шли сюда? – не дождавшись ответа, который был и без того очевиден, Слава ткнул пальцем руки в сторону вновь прибывших. – А задай тот же вопрос им. Я хочу послушать, что они ответят.

У ограды старого кладбища воцарилась тишина, поскольку истина, давно открывшаяся Корсаку, стала доходить и до самых «грамотных».

– Они вышли из окружения с боем. Им стреляли в спину. Мы шли кругами, так что даже если кто нас и видел по дороге, то их сведения, переданные чекистам, поставят их в тупик. Идя сюда, мы двигались зигзагами, непонятно куда, и каждый, кто мог встретить нас по дороге и остаться нами не замеченным, является носителем дезинформации. Эти же шестеро брели после боя по прямой! Сорок верст по прямой! Так ходят только бараны! Я слышал, как кое-кто тут хвалился своим практицизмом и повествовал, как они запаслись продуктами и пойлом в двух деревнях. Я вас поздравляю. Если я не ошибаюсь как человек, неплохо знающий эти места, то последняя деревня, которую они осчастливили своим посещением и где оставили несколько трупов, находится в пяти километрах от места нашего отдыха. У меня вопрос в этой связи, Червонец... Задавать его или нет?

– Твою мать... – вырвалось у Крюка.

– Я вам больше скажу, бестолковые друзья мои: мы сейчас сидим и спокойно курим, находясь в самой глубокой жопе, которая только существует в Союзе ССР! А в это время десяток сыщиков из НКВД, многие из которых повторили мой фронтной путь боевого разведчика, вычисляют место нашего нахождения. И вы сейчас сидите, хвалитесь убийством двоих беззащитных крестьян и одного участкового уполномоченного и мечтаете о том, на что потратите свои сотни тысяч!

– Мы уже давно в жопе, – подумав, возразил Червонец. – Ты не понимаешь нас, и ничего удивительного в этом нет. Как же тебе понять нас, когда вся жизнь наша – риск, опасность, смерть?! И не называй моих людей баранами! У тебя какой девиз? «За родину, за Сталина»?! А наш девиз: «Зубов бояться – в рот не давать!» Сейчас мы встанем, ты назовешь могилу, и мы будем ее искать! Если ты поступишь иначе, я прирежу тебя и твою семью! И в этом случае мой поступок будет обоснован и понят! В жопе... В ней сейчас не мы, а они! – И Червонец выбросил руку в сторону, откуда все пришли. – И уж таких хитрожопых, как они, стоит поискать! А мы живы! – он рванул на себе ватник. – Живы! Потому что на каждую хитрую жопу есть хер с винтом, понял?!

– Я-то понял, – подтвердил Корсак. – Но на каждый хер с винтом есть жопа с лабиринтом. Это-то я и пытался тебе сейчас объяснить. Но раз для тебя важнее блеснуть чешуей перед братвой и разыграть дешевый сценарий с треском пуговиц, тогда забыли все, что я говорил. Мы идем искать могилу, точнее – склеп пана Стефановского. Эту фамилию мне назвал Тадеуш Домбровский.

– А имя как? – насторожился Червонец.

– Имени Тадеуш Домбровский не назвал.

Орда загудела, выражая крайнее неудовольствие и даже ярость. Крюк опустил руки, а Червонец ослабил до такой степени, что даже при свете еще не сошедшей с неба луны его улыбка стала напоминать оскал волка, только что вернувшегося в лес от зубного техника...

Глава 5

– Врешь, сволочь!.. Решил в свою игру играть, гад?! Забыл, чьи родственники у меня под колпаком?! – взревел Червонец.

– Говорю в последний раз – пан Стефановский. Точка, – это было последним, что Корсак произнес, оставаясь спокойным. Ему сейчас нужна была хорошая встряска. Имени Стефановского Святой не назвал, и это беспокоило Славу всю дорогу. И теперь, чтобы исправить очевидную ошибку своего отца, вновь поставившего под вопрос жизнь сына, Корсаку приходилось играть по-настоящему. Настоящим должен был быть гнев, помноженный на логику, доступную бандитам. – И не забывай, Червонец, что там лежат деньги, которые по завещанию являются моими! И деньги, я полагаю, немалые! Деньги, без которых мне и семье нечего делать за кордоном!.. И я помню, черт тебя побери, кто находится у тебя под колпаком!

– Но ты тогда сказал, что Святой назвал тебе ИМЯ! – Червонец, не желая принимать очевидное, вплотную приступил к Корсаку и тут же наткнулся на его твердую, как скала, грудь.

– Спроси меня – как имя того идиота, что стоит сейчас передо мной, и я отвечу – Червонец! Это твое имя, Червонец? Святой умер на твоих глазах, оборвавшись на полужизни! Это видел Крюк!

– Но это не доказывает, что он не успел назвать тебе имя! Его не слышал ни я, ни Крюк!.. Ярослав внезапно успокоился и расслабился.

– А у тебя есть другие варианты? У тебя есть возможность заставить меня вспомнить то, чего я не знаю? Если так, давай. С чего начнем? С отрубания пальцев или дыбы?

– Стоп, Андроп, – вмешался Крюк, втискиваясь между врагами. – Хватит языком молотить. Пан Стефановский, значит, пан Стефановский, пусть земля ему будет пухом. Мы идем разорять его могилу.

– Да здесь панов Стефановских как на мадридском кладбище Карлосов! – воскликнул из темноты один из банды Святого.

– Значит, придется поднимать всех Стефановских, – отрезал Крюк.

Слава и Червонец, не сводя глаз друг с друга, разошлись в стороны. И, уже оказавшись поодаль от бандита, Корсак миролюбиво предложил:

– Нас одиннадцать человек. Можно разбиться на четыре группы, одна из которых будет состоять из трех человек, остальные из четырех. Мы разойдемся в разные стороны и, ориентируясь на стороны света, будем приближаться к центру погоста. Четыре цепи. Нас интересуют только склепы. Любой, кто увидит таковой с известной фамилией, дает об этом знать остальным. Предположим, я, Червонец и Крюк пойдем с западной стороны...

Предложение было принято, потому как каждый из тех, кто здесь присутствовал, в правоте бывшего офицера однажды уже убедился. Убедился категорически и бесспорно, потому что был жив.

Для человека, связавшего свою жизнь с разведкой, существуют десятки способов определить стороны горизонта. Сейчас можно было бы найти север по Полярной звезде, но небо затянуло тучами. Об ориентации с помощью солнца речи, понятно, вообще не шло. Мох растет на деревьях с северной стороны, но уходить в лес для того, чтобы искать деревья с мохом, было просто смешно. Корсак, вглядываясь в угрюмые лица бандитов, не раз бежавших из таежных зон, в очередной раз убеждался в том, насколько в бандах сильна роль лидера. Любой из них, оказавшись в безвыходной ситуации, заставит свой мозг работать самостоятельно и, когда речь пойдет о жизни и смерти, решит самую сложную задачу. Сейчас же все вокруг Славы, включая и Червонца, и Крюка, стояли в ожидании того, как он определит стороны света. И все будут молчать, потому что вожак этого сброда сейчас, как это ни грустно понимать, он, Ярослав Корсак.

– Часовенку в центре кладбища видите? – спросил он, не особо надеясь на свое зрение, начавшее давать небольшие сбои после ранения. – Перекладыны на кресте как расположены? В какую сторону они сужаются, там и юг.

– Нет на храме креста, – прохрипел Крюк. – Обнесли, сволочи. Сусальное золотишко в войну хорошо шло... Хриstopродавцы.

Это говорил человек, уже собравшийся раскапывать могилу. «Ладно, проехали...» – подумал Слава, соображая, как теперь поступить. Нужно было четко определить стороны света, чтобы ясно поставить задачу перед бандитами. Кладбище не имело прямоугольных форм, а потому было не исключено, что какая-то из групп пройдет мимо нужного склепа, попросту не заметив его в темноте.

Ни слова не говоря, Корсак перепрыгнул через ограду и, когда его примеру последовали остальные, приказал:

– Найдите мне фамилию какого-нибудь татарина. В этом районе нет мусульманских кладбищ, а потому лиц, почитающих Коран, хоронят на общем. Но с небольшими нюансами... Найдите мне какого-нибудь Нурмагометова Зинэтулу Хариповича или Арифуллина Саидуллу Курбановича.

Один из бандитов рассмеялся и направился на поиски первым. Через пять или шесть минут кто-то крикнул из темноты:

– Курбанов Батыр Аимбетович подойдет? – и рассмеялся. Это был тот самый весельчак.

– Копайте, – коротко велел Слава, поглядывая на тускнеющую луну. Времени до рассвета оставалось все меньше.

– Пресвятая Богородица... – забормотал один из убийц, присаживаясь на корточки перед холмиком и отстегивая от пояса пехотную лопатку. – Никогда в жизни таким делом не занимался...

– Ну, мало ли кто что в первый раз делает, – философски заметил Корсак. – Я вот, к примеру, впервые в такой компании, а что делать? Кто-то крестьянина в первый раз в жизни за курицу режет, кто-то евреев в топку загоняет.

– Не надо здесь этой коммунистической пропаганды, Корсак, – просипел Червонец, не сводящий взгляда с разрываемой могилы, – тебя все равно не поймут.

– Я не коммунист. Уж не знаю – к сожалению ли или к счастью... Что там, бродяга?

– Мать-перемать! – дал петушка голосом один из копальщиков, вскакивая и отбегая в сторону. – Что это, мать вашу?!

– Это? – уточнил Корсак, подступая к могиле. – Это голова, как и положено. Если копать дальше, появятся плечи. Потом грудь. И все это будет по-прежнему обернуто в ковер.

– Их что, стоя хоронят, что ли? – обомлел кто-то из наблюдавших.

– Сидя! – усмехнулся Слава. – Дайте мне кто-нибудь нож.

– Зачем? – переполошился один из тех, кто был свидетелем казни консервной банкой.

– Распорю ковер и найду у покойника лицо. Мусульман хоронят сидя, усаживая лицом на восток. Если не хотите дать мне нож, тогда распорите ковер сами.

Ни слова не говоря, Червонец со спины подошел к Ярославу, и тот услышал характерный лязг вынимаемой из ножен финки. Тот лязг, который переворачивал его душу перед выходом в разведку.

Склонившись над могилой, Корсак несколькими движениями разрезал плотный ковер и отвернул его в сторону. В лицо ему заглянула смерть – ощерившийся череп, сияющий при свете спичек, как бильярдный шар.

– Останусь жив, – пообещал кто-то за Славиной спиной, – весь храм у себя дома на Черниговщине уставлю свечками. Батюшка спросит – зачем, я отвечу, что косую видел.

Через пять минут дело было сделано. Всем группам были поставлены четкие задачи по ориентирам на местности с запретом не пропускать на своем участке ничего и не забредать на чужие.

Червонец брел за Корсаком, касаясь руками покосившихся оградок. Дыхание его было размеренным и спокойным, и в дыхании этом никак не чувствовалось желаниа человека стать обладателем клада. Так зарытые в землю или даже спрятанные в чужую могилу сокровища не ищут. Что-то у Червонца на уме...

– Скажи мне, Корсак, – услышал за спиной Ярослав, – где бы ты спрятал золотишко, если бы был на месте Святого?

Не оборачиваясь, Слава усмехнулся:

– Трудно ответить. Мне невозможно представить себя закапывающим награбленное. И потом, думать мозгами Святого я не могу.

– А все-таки? – настаивал Червонец. – Мозги мозгами, но гены-то... Гены-то у вас одни, пан Домбровский. Гены никуда не спрячешь! Вот, смотри, подходящая могилка! А надпись какая?.. «Упокой господь душу твою, чистую и безгрешную...» Святая простота, а? Кто в этом склепике решится золото искать, кровью омытое?

– Не знал, что ты знаком с законами генетики, – прислушиваясь к звукам вокруг, Корсак натянуто улыбнулся, продемонстрировав вору преимущество здоровых белых зубов над золотыми. – Ну да ладно. Попробуем. Будь у меня такая необходимость, я нашел бы самый неухоженный склеп, с одной из самых старых дат смерти погребенного. Это обстоятельство укажет мне на то, что могила заброшена и родственники, даже если таковые у усопшего имеются, забыли о нем. Склеп я выбрал бы самый неприметный, чтобы он не бросался в глаза. Хорошо, если рядом с ним будет провалившаяся могила – люди суеверны, они боятся могил и трупов, обходят их стороной, хотя бояться нужно, конечно, живых... Что еще... Я обязательно прибрал бы по минимуму оградку и склеп, положив букет свежих цветов.

– Это зачем? – не удержался от удивления Червонец.

– Чтобы удержать любопытных с такой же логикой, как у меня. На могиле признаки присутствия близких – значит, могила не заброшена. А зачем туда забираться и что-то искать в склепе, если вокруг сотни таких же, но давно забытых? – Сделав несколько резких шагов в сторону, Корсак положил руки на высокую оградку, очерчивающую крошечный периметр заросшего бурьяном склепа. – Чем не подходящий для меня схрон?

«Бойтесь оцезариться, полинять. Оставайтесь простымъ, добрымъ, чистымъ, степеннымъ врагомъ роскоши, другом справедливости, твердымъ в исполненіи долга. Жизнь коротка...» – было высечено на склепе. Прочитал это и Червонец.

«Как удивительно, – подумал про себя Слава. – По просьбе убийцы и разбойника я выбрал для схрона награбленного склеп, в котором покоится прах одного из честнейших людей Петербурга. Такое нравоучение не могло быть начертано на могильном камне крохобора и душегуба. Покойный, конечно, жил в Петербурге, поскольку в склепе чувствуется тонкость линий и работа мастера, недоступные каменотесам провинции. Он был достаточно богат, чтобы быть похороненным близ столицы, однако похоронен тут либо во исполнение его последней просьбы, либо будучи в опале. Последнее вернее, потому как в надписи кричит протест...»

– Ладоевский Эрнест Александрович, – прочитал имя усопшего Червонец. – Ладно, пошли дальше...

Еще через двадцать минут из темноты раздался тонкий свист, очень похожий на утренний посвист синицы.

– Я пойду посмотрю, вы останетесь здесь, – велел Корсак Червонцу и Крюку. Червонец, в отличие от Крюка, не послушался его.

– Я пойду с тобой!

К месту вызова, как и было оговорено, подошли по одному из представителей каждой группы. Исключением оказался Червонец. Впрочем, он имел на это исключение полное право, поскольку был здесь главным.

– Вот, – сказал тот самый, весельчак.

«Пани Стефановская Софья Зигмундовна», – прочитал Корсак на входе в большой каменный склеп, с которого уже давно был сорван замок, а двери не болтались только оттого, что петли на них намертво проржавели. Дернув подбородком, Слава только вздохнул, Червонец же оказался менее снисходительным.

– Ты че, идиот, в натуре? – обратился он к весельчаку. – Тут что написано? Пани! Софья! Пан, Карамболь, это когда есть яйца! У пани яиц не бывает, а если и бывает, то это не пани, а пан! Но об этом обязательно сообщат – «пан»!

– У нас, на Черниговщине, – сообщил другой бандит, – мерило другое. У нас как в Польше – у кого больше, тот и пан.

Разошлись.

Но через пять минут вынуждены были собраться снова, уже по свисту с северной стороны. Корсак с Червонцем прибыли первыми, и Слава, прочитав на надгробии склепа длинную надпись, снова вздохнул и опять посмотрел на луну.

– Вот, – сказал очередной поисковик, – пан Стефановский.

– Верно, – радостно выдохнул Червонец, но через секунду взорвался, грозя поднять на ноги все кладбище:

– Баран! Идиота кусок! Тебе что, лень до конца прочитать?! «Пан Стефановский... похоронил здесь свою жену... Марию-Анну»!..

Разошлись.

И более не собирались до шести часов. Туман стал путать искателям все карты, как вдруг не кто-то, а сам Червонец, указывая на почти потонувший в мутном одеяле тумана склеп, прошептал:

– Вот она... Надеюсь, Тадеуш Домбровский не имел привычки шутить в трудный час...

Звать никого, понятное дело, Червонец не стал. После того как под стволом «ППШ» хрустнул проржавевший замок (сбивать прикладом не стал – зачем лишние звуки?) и вход в склеп стал доступен, стало ясно, что Святой в трудные для него минуты шутить не любил...

Несколько десятков свернутых в трубочку и упакованных в тубусы картин... Развернув несколько из них, Слава почувствовал приступы непонятной тоски по прошлому. Когда-то давно, а быть может, и совсем недавно – не исключено, что от усталости разведчику стали досаждать приступы дежавю, – он видел эти картины или слышал о них...

...Нимфа, похищаемая кентавром... Сатир, играющий на арфе под ногами Немезиды... Апостол Иоанн, склонившийся над Писанием с задумчивым лицом...

Тряхнув головой, Слава стал осматривать остальное, что с дрожью в руках перебирали Червонец и его поделники.

Золотые и серебряные браслеты времен Возрождения... Перстни с неограниченными сапфирами, алмазами, изумрудами... Ожерелья, колье, диадемы со множеством бриллиантовых вкраплений... Золотые чаши, высокие серебряные кубки с портретами Фридриха и Бисмарка...

Дрезденская галерея!

Дежа-вю больше нет. Память работает исправно, как куранты на Спасской башне Кремля! Сейчас, рассмотрев как следует бесценные сокровища Святого, замурованные им в склепе заброшенного кладбища, Ярослав Корсак мог с уверенностью сказать, что список этих экспонатов, бывших ранее достоянием крупнейшего в Европе музея, раритетов, которые сей-

час трогали обгагранными кровью руками бандиты Тадеуша Домбровского, он читал, находясь с миссией внешней разведки в Дрезденской галерее!

Это о них говорил в свой предсмертный час майор, командир комендантской роты, не выдержавший испытания тела и духа! Майор назвал только имя генерала Пускарева. Это в его руки попадали раритеты сразу после того, как исчезали из музея. Больше майор ничего не знал и сказать не мог при всем своем желании. Криминальные цепи, устанавливаемые таким образом, имеют одну особенность. Всех участников преступления знает только организатор. В данном случае это – Антонов. Но все, кто находился между ним и Дрезденской галереей, знали в лицо только того, от кого принимали, и того, кому передавали. Майор назвал Пускарева. Пускарев назвал имя того, кто помогал оформлять документы на вывоз под видом дипломатической почты – сотрудника посольства СССР в Восточной Германии. И тут случился разрыв. Разведчики, работавшие с Пускаревым, взяли по его наводке атташе, не понимая, что это всего лишь параллельная связь, не имеющая продолжения. Пока работник посольства кричал от боли, пытаясь доказать, что он ничего не знает, Пускарев благополучно отдал концы в Лефортово – перестарались тыловики-разведчики в столице, и генерал повесился в камере. Имя того, кто находился между Пускаревым и Антоновым, а также местонахождение раритетов так и не было установлено. Цепь оборвалась. Это значит, что был отрезан доступ к Антонову и лицу, работавшему с ним в непосредственном контакте.

И сейчас Слава знал наверняка, кто скрывался в Ленинграде под весьма нередкой фамилией Антонов. Им был его покойный отец Тадеуш Домбровский, бандит Святой, убийца и грабитель.

Как долог и странен оказался путь бесценных экспонатов из Германии, поделенной на зоны влияния, в Союз...

Но довольно удовлетворяться воспоминаниями! Нужно продолжать играть роль человека, не менее других осчастливленного находкой!

– Я что-то не вижу здесь денег, обещанных папой! – вскипел Корсак, расталкивая сидящих над сокровищами бандитов. – Где филки, Червонец! Я готов увидеть подтверждение обещания, данного тобой у постели умирающего вора!

Это хорошо сказано – и про постель умирающего вора, и про обещание. Девять свидетелей, которые потом под воровской присягой подтвердят, что Червонец слово давал, но не сдержал.

– Да здесь они, здесь, не торопись, паныч!.. – поблескивая стреляющими глазами – как бы кто не сунул бесхозный перстенок за пазуху, – проворчал вор. – Вот они, твои наличные! – И он, чуть придыхнув, поднял и уронил под ноги Корсаку металлический ящик. И было непонятно, отчего так тяжело дышал Червонец – от тяжести ящика или от злобы.

Склонившись, Слава сломал смехотворную защелку и поднял крышку.

На какое-то мгновение лица бандитов повернулись в его сторону... Сработала прямая логика – то «рыжье» с цацками, которые нужно еще сдать, чтобы обналичить, а то – готовая обналичка...

Столько обналички бандиты видели впервые... Червонцы с изображением вождя мирового пролетариата, лоснящиеся от новизны и кажущиеся в глубоком ящике просто бесчисленными...

– Что? – расхохотался в каком-то жутком экстазе Червонец. – Не видали столько хрустов?! Но это только то, что можно выручить с сотой... тысячной доли железа, которое вы сейчас щупаете руками! После того как мы реализуем все это добро папы Святого, у каждого из вас будет по двадцать... сорок таких ящиков!.. Это же копи царя Соломона, Крюк... Это достояние республики... Мы образуем свою республику! Ты хочешь быть Всесоюзным старостой, Крюк?! Мы можем вступить в товарно-денежные отношения с США и Англией... Здесь пятидесятилетний бюджет Японии!.. Это же Клондайк, Крюк, это россыпи Юкона!..

В склепе при свете спичек и бензиновых зажигалок из гильз воцарилось безумие... Корсак смотрел на этих людей и пытался вспомнить тот рубеж, который они перешагнули, превратившись из людей – хотя и очень плохих, но людей – в животных. Пытался, но вспомнить не мог. А существовал ли тот рубеж, та граница?

– Я всегда мечтал купить старухе-матери домик под Тверью... У нее изба совсем обветшала...

– Зачем ей халупа, Клык?! – по-царски распоряжался Червонец, осознавший наконец, что власть его пришла, и пришла окончательно. – Ты купишь ей Тверь!

– А коровенку с козой?..

– Дурак!.. – заходясь в экстазе, который отчетливо начал напоминать оргазм, возопил весельчак Карамболь. – Ты подаришь ей собственную мясохладобойню!

– Братва, мы цветом!.. Я отдаю этот болт, – Клык метнул в общую кучу сапфировый перстень, – за бутылку «Абрау-Дюрсо»! Сейчас! Принесите мне осетрину «а-ля рюсс» и ящик «Абрау»! Я плачу! – И в воздух взметнулась пригоршня золотых монет размером с жетон грузчика Казанского вокзала...

В склепе пана Стефановского, куда родные положили его для вечного покоя, царила суета, грозящая преобразоваться в сумасшествие...

– Червонец, – позвал Корсак, равнодушно взирая на груды бесценных сокровищ.

– Червонец, – повторил он, понимая, что задержка опасна для всех, и для него в первую очередь. – Червонец!

Крик этот и стальной взгляд разведчика на какое-то мгновение охладили всеобщий экстаз, заставив вспомнить о том, что сидят эти люди не в «Астории», а в склепе, да к тому же их усиленно разыскивают.

– Вы закончили спускать на этот антиквариат или мне выйти и постоять на шухере в ожидании первой роты автоматчиков из ленинградской дивизии?

Упоминание о превосходящих силах противника заставило бандитов собрать свое сознание если не в кулак, то хотя бы вырвать его из рук бога безумия.

Они собирались так же, как и искали, – суетливо, в спешке, нервно. Когда последняя из монет была упакована в баулы, из которых ценности, собственно, и вынимались, когда каждый получил за спину сгибающий его груз, стало ясно, что рассвет наступил и застал он врасплох всех, кроме Корсака.

– И куда вы собрались? – Голос Ярослава звучал властно, уничижающе, но иначе вернуть сознание в оболваненные успехом головы бандитов было нельзя. – Вы похожи на слонов, непонятным образом оказавшихся на кладбище средней полосы России. Вы здесь и останетесь, если ваш караван выйдет за пределы склепа в таком виде! Мне плевать на вас, Червонец, уж коль скоро вам плевать на самих себя, но меня ждут жена и сын!

– Он прав, – тихо заметил Крюк, снимая баул. – Куда мы ломанемся с этим ассортиментом?

Протрезвел и Червонец.

– Оставляем барахло здесь и уходим. Заберем только деньги и самую дешевую мелочь, которую можно спихнуть скупщикам. – Прикинув сроки, он распорядился: – Мы вернемся сюда через три дня, когда станет ясно, что эта территория прочесана легавыми.

– Я бы на вашем месте не забирал и мелочь. Вы не вернетесь сюда через три дня, – подсказал Корсак. – Вы не вернетесь сюда и через неделю. Если хотите жить и получать от жизни удовольствие, вы вернетесь сюда месяца через два-три, когда пройдет волна. А еще лучше прийти за «сваком»⁴ через полгода, хотя после того, что я увидел, мне кажется, на такой разумный поступок вы не способны.

⁴ Всякая краденая вещь (*вор.*).

– А я вообще никуда не собираюсь возвращаться!.. – неожиданно для всех заверещал весельчак Карамболь. – Я уйду отсюда со своей долей! И вы делайте то же самое, братва! Все – ша! Теперь каждый сам за себя!

– Ты нехорошо говоришь, Карамболь, очень нехорошо, – тихо процедил Червонец, начиная чувствовать, что не пройдет и минуты, как банда распадется на вольноотпущенных миллиардеров.

– У каждого есть то, что нам всем обещал пять лет назад Святой! – не унимался Карамболь. – Воля! Филки! Он говорил, что война для нас ничего не изменит, а только сыграет на нашей стороне!..

«Начинаю постепенно открывать для себя новое в папиной идеологии», – подумал Корсак не без огорчения. Слава уже давно видел, как топорщится карман Карамболя. Ярослав, наверное, был единственным из всех, кто подумал раньше Червонца о том, что все сейчас зависит от одного-единственного выстрела. Окажись Ярослав на месте Червонца, то есть на месте человека, чей авторитет пытались подорвать таким нахрапистым способом, он выстрелил бы уже давно, поскольку выстрел – единственное, что могло спасти Червонца. Крюк поставил баул на мрамор склепа, а остальные после демарша Карамболя лишь подкинули груз у себя на спине, чтобы тот лег поудобнее.

– Можете убить меня, – не понимая, что пророчествует, агрессивно настаивал весельчак, – но я уйду сейчас и с этим.

Выстрел. Грохот баула о мрамор, шлепок упавшего тела, агония... Не удивились произошедшему только Крюк и Корсак, остальные, подумав под стволом «парабеллума», нехотя сняли мешки с плеч.

– Если хоть одна сука еще хотя бы раз оголит передо мной клык... – совершенно спокойно, словно речь шла о покупке пряников в сельмаге, подтверждая тем свой непререкаемый авторитет, сказал Червонец. Он сунул пистолет в карман и повернулся ко всем спиной – так ему было удобнее опускать баул в опустошенную яму-схрон, – я спущу с него шкуру. Есть желающие проверить, смогу ли я это сделать?

– Знаете, мне порядком поднадоел этот приклатненный спектакль, – врезался в монолог вора Корсак. – Закапывайте все это побыстрее, если не хотите в ближайшие сутки давать показания в НКВД! Отсидитесь, а потом делайте что хотите. Я же возьму свои деньги, потому что нести восемь или десять килограммов денег легче, чем нести за спиной три пуда золота! Червонец, уводи нас отсюда!

Ярослав правильно сыграл на важности для всех решения вора. Червонец здесь главный, и после находки схрона ему теперь решать, куда идти и с какой целью. Цель была ясна – нужно побыстрее сорваться из района поисков и осесть в Ленинграде. Область теперь находится вне закона – в области рулил Святой, о его смерти после пожара мало кто догадывается, поэтому чекисты в первую очередь будут проверять область, поскольку в такой ситуации идти банде в город – настоящее самоубийство.

Именно по этой причине нужно было идти туда.

– Люблю тебя, Петра творенье... – пробормотал Корсак, остановившись рядом с Червонцем, когда тот проверял замаскированный в склепе клад.

Червонец услышал его. Слава понимал это, а потому дождался, когда Червонец с Крюком появятся в оgrade, и спросил:

– Куда поведешь, Червонец? Это важно для всех, а для меня в особенности, поскольку меня, кроме моей жизни, заботят жизни еще двоих дорогих для меня людей.

– Мы идем в Ленинград.

– Что?! – изумились остальные бандиты.

– Я сказал, что мы идем в Питер, – жестко, блеснув золотыми фиксами, повторил вор. Повернувшись к Ярославу, он взял его за локоть и отвел в сторону. – Я помню о своем слове.

Твои паспорта будут изготовлены за неделю. О близких можешь не переживать. У них сейчас есть все, о чем может только мечтать семья наркома. Деньги – твои, как и договорились. Через неделю ты получишь документы, встретишь семью, и я открою вам коридор в Польшу.

Такой исход Славу устраивал.

– Но всю эту неделю каждый, кто побывал в склепе, будет находиться при мне. Каждый! – Эти слова слышали все. – Если кому-то нужно будет сходить пописать, выпав из поля моего зрения на две минуты, он должен будет сообщить об этом мне или Крюку. Если я замечу, что кто-то из присутствующих здесь пытается вступить в контакт с людьми вне этого круга – убью и его. Если кто-то захочет помешать мне исполнить задуманное – я убью его. Если кто-то за эту неделю окажется пьяным – я убью его. Я убью всех, если это будет необходимо. Я убью любого, если пойму, что кто-то сомневается в том, что я это сделаю.

Обеты на святой земле – на кладбище – дело не шутейное. Особенно когда слова подтверждаются убийством. Исстари на Руси повелось, что убивать на кладбище – грех несусветный, смертный. Но стоит ли заботиться о душе, когда уходишь, оставляя за спиной почти тонну вещей, могущих в одночасье превратить нищего в одного из самых состоятельных людей только начинающего отряхиваться от пепла войны мира?

Глава 6

На исходе четвертого дня вынужденной изоляции от окружающего мира Ярослав понял, что Червонец испытывает сильный дискомфорт. Настроение бандитов, посвященных в тайну сокровищ Святого, изменилось не в лучшую сторону. Тактика вожака по выжиданию все меньше устраивала его подчиненных, и наконец наступил момент, когда Корсак понял, что грядет взрыв. Еще не успев как следует свыкнуться с ролью полновластного хозяина банды, пусть уже не такой многочисленной, но по-прежнему дерзкой, Червонец стал использовать непопулярные в бандитской среде методы подчинения коллектива, и это не могло не сказаться на разговорах и мнениях внутри банды.

Ярослав чувствовал, что в случае продолжения Червонцем своей политики насильственного удержания своих головорезов в одной из квартир Ленинграда, достаточно будет малейшей искры, чтобы грянул взрыв. Каждый из девяти, находящихся в заточении, знал, где спрятаны ценности, способные обеспечить род любого из них до седьмого колена. Конечно, мало кто из бандитов заботился о будущем своих потомков, которых, к слову сказать, ни у кого не было, но бриллиантовый дым бесхозных драгоценностей и золота будоражил их умы. Не обладая качествами руководителей и стратегов, не владея навыками мало-мальской тактики, бандиты никак не могли понять, почему они, полновластные хозяева миллионов золотых советских рублей, которые можно, по их мнению, быстро выручить, продав раритеты, вынуждены есть не балык, запивая его марочным коньяком, а жрать баночную кильку, обжаренную в масле, довольствуясь жидким чаем.

Корсак чутьем опытного разведчика чувствовал, что терпение бандитов не бесконечно. Сам же Червонец либо чересчур полагался на преданность своих головорезов, будучи уверенным в своем авторитете, либо просто не замечал происходящего рядом. Не меньшее удивление у Славы вызывало и поведение правой руки Червонца – Крюка. Этот сорокалетний мужчина среднего роста, чья мускулатура выдавала в нем бывшего спортсмена – если не боксера тяжелого веса, то борца определенно, вел себя почти как Ярослав. Он молча и спокойно взирал на происходящее вокруг, о чем-то думал либо просто дремал. Когда возникала необходимость, а она по мере течения дней назревала все чаще и чаще, осаживал наиболее ретивых бандитов, не особо стремясь объяснять мотивы своего поведения. Одному из самых дерзких, решившему уже почти в открытой форме выразить свой протест вору, Крюк с размаху врезал прямой слева. Бандит рухнул, как подкошенный, и потом, приходя в себя, долгое время смотрел на Крюка, о чем-то думая и вытирая с рассеченной губы кровь.

«Определенно боксер», – подумал Слава.

Ни один из них, включая и самого Червонца, не имел права выходить за пределы квартиры, в которой имелось все, что было необходимо для выжидания: туалет, кухня, спальные места на полу, еда. Такой образ жизни очень напоминал проживание в камере предварительного заключения Крестов и совсем не походил на волю, час нахождения на которой приравнивался по бандитским понятиям к суткам на киче.

Слава понимал, что после разбойных нападений на торговые базы и магазины, когда приходилось довольствоваться малым, а риск был неимоверен, каждый из бандитов ощущал себя даже не наследником, а уже владельцем части несметных сокровищ, дарующих все блага, о которых только может мечтать вор. И каждый из них, зная о смелости и отваге Червонца, не понимал, почему тот боится выйти и забрать эти сокровища, чтобы немедля справедливо поделить. Не секрет, что в этой связи в головы бандитов пришли мысли о продажности Червонца, о его намерении прибрать все золото к рукам, а их просто-напросто кинуть. Тем, у кого организаторские способности отсутствуют с момента рождения, невозможно понимать простые истины. Слава же эти истины понимал очень хорошо.

Банда Святого уничтожена почти полностью. Осталась лишь пятая ее часть, и сюда вошли не самые организованные и умные люди. Червонец, как мудрый организатор и вожак, понимал необходимость создания вокруг себя нового коллектива с новой идеологией, отличающейся от идеологии вора старой закалки Святого. Организация банды, то есть определение места будущей дислокации и вовлечение новых, избранных членов, требует не только больших моральных ресурсов, но и финансовых вливаний. Никто и никогда не пойдет за цезарем, казна которого пуста, как амбар нерадивого крестьянина. Червонцу необходимо было выиграть время, чтобы сохранить и лидерство, и ценности. Он, как и Корсак, понимал, что реализовать культурное достояние Дрезденской галереи – а у Ярослава не было сомнений, что за сокровища были найдены в схроне пана Домбровского, – быстро не получится. Для этого нужны каналы сбыта, доверенные люди. В противном случае можно спалиться уже с первой же картиной Рубенса, выйдя с ней на первого попавшегося антиквара. И потом, дабы не оказаться глупцом, Червонцу необходимо было оценить клад, определить стоимость каждой из найденных вещей. На все это нужно было время, соглашаться с чем бандиты, засевшие в квартире, решительно не желали.

Банда грозила развалиться прямо на глазах, не успев образовать новое формирование. И одного Червонца для организации этого процесса, как начинало казаться Славе, было уже мало. Назревал момент, когда обалдевшие от алчности и нетерпения головорезы могли прикончить Червонца, направиться на кладбище и перерезать там друг друга, так и не сумев разделить найденное «по совести и справедливости». Крюк же молчал и помогал Червонцу лишь тогда, когда тот этого от него требовал. Корсаку начинало казаться, что помощник Червонца и сам не прочь направиться на Хромовский погост, причем направиться таким образом, чтобы оказаться там в числе первых.

Все это очень не устраивало Корсака. Бывший разведчик секретного спецподразделения, обладающий дарованной ему свыше интуицией и тренированным сознанием, хорошо чувствовал настроение людей даже тогда, когда не произносилось ни слова. Глядя на то, как Фикса скребет ложкой по дну банки, он мог с уверенностью заявить, что тот в этот момент клянется, что такая банка у него – последняя. Следующий обед его будет состоять из куска хорошо прожаренной говядины, политой винным соусом. По глазам Фиксы Слава читал, что тот не прочь встать и вставить перо в бок Червонцу в любой момент.

Еще пара дней таких настроений, усугубляющихся с каждым часом, и Корсак рисковал остаться без семьи, поскольку о месте нахождения Светы и Ленки знал только Червонец, ну и, наверное, Крюк. Однако, если подручные Червонца решат его резать, то мертвым окажется и его помощник – в этом не было никаких сомнений. Убьют его по двум причинам – он лишний свидетель, который может рассказать братве о «беспределе» «честной шпаны» Святого, и лишний рот, который будет требовать себе часть клада Домбровского. Конечно, поставят на перо и Славу – он-то им точно не нужен. Они вообще не понимают, зачем здесь этот «краснозадый».

Несколько раз Корсак пытался заговорить с Червонцем о семье, но тот всякий раз упрямо говорил, что с ними все в порядке и вскоре Корсак встретится с ними. Слава чувствовал, что его, как и остальных членов банды, начинает тяготить ожидание. Он был уверен, что неделя отсижки на бывшей «малине» Святого в Питере – несусветная глупость. Отсиживаться так месяц – или два, что гораздо лучше. Если уж не терпится забирать сокровища старого вора, то нужно это делать сейчас, вступая в бой с НКВД! А потом разбежаться по территории Союза, оседая в самых разных точках. В местах, где меньше всего заботятся о праве и больше всего о собственном благополучии. Для таких целей подходит Туркменистан или Грузия. Еще лучше подходит Польша или Западный Берлин. Но Червонец, следуя лишь своему наитию, велел ждать неделю, и на этом была поставлена точка. Это мог подтвердить Карамболь, оставшийся на кладбище и сброшенный в провалившуюся безымянную могилу.

Гроза в квартире намечалась нешуточная, стали даже высказываться мысли о том, не продан ли Червонец «красным». Разговоры эти мгновенно пресек Крюк. Осадив высказавшего эту мысль Вагона резким выкриком, он встал со стула и вышел в центр комнаты.

– Базарим?! Это Червонец-то проданся?! – Он осмотрел бандитов гневным взглядом. – У кого в «хлебоборезке» мандавошки завелись?! Червонца невозможно заставить продаться! Кто-то сомневается в этом?

Возражений не было, не было желающих дать положительный ответ и на последний вопрос. Однако напряжение в трехкомнатной квартире на окраине Питера продолжало нарастать, и наконец наступил день, когда оно достигло максимума.

Утром шестого дня Червонец куда-то убыл, поручив Крюку присматривать за бандой, и вернулся лишь с наступлением темноты. Находясь у себя в углу с мешком, набитым купюрами банка СССР, Корсак понял, что наступает час «Ч». В военной практике этим временем обозначается время, когда штурмующие подразделения пересекают вражескую линию обороны. Проще говоря, это тот момент, когда одна нога бойца Красной Армии находится на бруствере вражеского окопа, а вторая уже перенесена через него. Вспоминая дни, проведенные в учебном лагере «стерхов», Слава не без улыбки вспоминал тот момент, когда преподаватель тактики майор Краснов объяснял эту ситуацию и половина курсантов не могла взять в толк – что за ноги и какая на каком бруствере. Краснов невероятно обозлился и со свойственным ему прохладным юмором объяснил момент так, что все поняли: «Час «Ч», бестолковые птицы, это когда яйца бойца Красной Армии висят над каской неприятеля, засевающего в окопе!». Час «Ч» – момент истины.

К этому дню Слава выдохся и сам. Понимая, что Червонец имеет над ним власть лишь по одной причине, имя которой – жена и сын, Корсак решил на отчаянный шаг. Если бы он знал, где сейчас находится Света с сыном, он уже давно ушел бы из банды, оставив за своей спиной столько трупов, сколько живых встанет на его пути. Но куда идти?! О местонахождении семьи знает лишь Червонец и, быть может, Крюк – такой же подонок, как и его шеф. Недаром, уходя поутру в город, Червонец оставляет Крюка с бандой безо всяких опасений. Значит, доверяет, значит, уверен, что Крюк не поведется на уговоры и не упорхнет из клетки вместе с другими в сторону Хромовского кладбища! Получается, что в Червонце еще живо нечто, позволяющее ему верить в человека. Однако сообщить Славе адрес, где содержатся дорогие ему люди, даже под честное слово, для Червонца равносильно дать разрешение своим людям отлучиться в город и вернуться в квартиру к девяти часам вечера. Под то же честное слово. Червонец – мерзавец, но не идиот. И он прекрасно понимает, что Слава, получив адрес семьи, исчезнет так же быстро, как исчезнут его люди вместе с кладом Святого.

О, если бы выйти в город и, пусть на свой страх и риск, встретить там кого-то, кому можно подать знак...

На пятый день ожидания Ярослав находился почти в панике: какой знак?! кого встретить?! и что за задание можно дать этому первому встречному знакомому?!

«Приведи НКВД по адресу такому-то»?

Но нужно было что-то делать, он не слышал голоса Светы и Ленки уже неделю, и с каждым днем в его сознание начинало закрадываться подозрение, что... их голоса он не услышит уже никогда. Слава, бывший офицер войсковой разведки, диверсант, привыкший выжидать сутками, начинал терять терпение, едва перестал ощущать своей спиной линию фронта. Фронт стал другим. Невидимым, более жестоким и опасным, даже более опасным и невидимым, чем тогда, в Аргентине, когда из сотен неизвестных ему лиц нужно было распознать двоих нацистов, военных преступников. Вычленив их из толпы и уничтожить. Тогда было легче, потому что рядом был Сомов-Соммер – отец Светы и дед Ленки... Сейчас же Слава был один.

В каждом отрицательном моменте нужно выделять положительное начало и делать ставку на него, как на первооснову – это девиз не только оптимистов, но и разведчиков, находящихся

на грани провала. А еще – девиз людей, не желающих умирать и наблюдать при этом, как умирают дорогие им люди...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.